Дитя во времени

Автор:
Иэн Макьюэн

Дитя во времени

Иэн Макьюэн

Внутри сферы. Проза Иэна МакьюэнаИнтеллектуальный бестселлер

Иэн Макьюэн – один из «правящего триумвирата» современной британской прозы (наряду с Джулианом Барнсом и Мартином Эмисом), лауреат Букеровской премии за роман «Амстердам».

У детского писателя Стивена Льюиса прямо из супермаркета неожиданно и необъяснимо исчезает трехлетняя дочь. Эта потеря переворачивает всю жизнь Стивена, наглядно демонстрирует ему, что дочь была единственным смыслом его жизни. Личная драма Стивена разворачивается на фоне непрекращающегося течения времени, затеявшего странную борьбу с главным героем. Лишь постепенно Стивен понимает, что не человек владеет своим временем, но время властвует над людьми – время зачатия и время рождения, время роста и время возмужания, словом – время как загадочная, не персонифицированная и всемогущая сила, которую невозможно провести, но которую можно попытаться преодолеть, лишь преодолев себя.

Иэн Макьюэн

Дитя во времени

Глава I

…а также для тех родителей, которые в течение стольких лет шли на поводу бездарного релятивизма самозваных знатоков в области детского воспитания…

Официальное руководство по детскому воспитанию (Управление по изданию официальных документов, Великобритания)

С давних пор муниципальный общественный транспорт связывался в представлении членов правительства и большинства обычных граждан с ущемлением личной свободы. Многочисленные транспортные средства по два раза на день попадали в заторы в часы пик, и Стивен обнаружил, что от его квартиры до Уайтхолла быстрее добираться пешком, чем на такси. Стояли последние дни мая, не было еще и половины десятого утра, а температура уже подбиралась к тридцатиградусной отметке. Стивен шагал по направлению к Воксхоллскому мосту мимо двойных и тройных рядов загнанных в ловушку, нервно пульсирующих машин, в каждой из которых сидел одинокий водитель. На слух их стремление к свободе казалось скорее смиренным, чем необузданным. Окольцованные пальцы терпеливо барабанили по краю горячих металлических крыш, локти в белых рукавах высовывались из окон с опущенными стеклами. Многие водители читали прессу. Стивен быстро пробирался через толпу, через наслаивавшуюся друг на друга трескотню автомобильных приемников – рекламные песенки, бодрые выкрики диджеев, обрывки новостей, дорожные предупреждения. Водители, перед которыми не было газет, флегматично слушали радио. Равномерное движение плотной толпы пешеходов, должно быть, создавало для них иллюзию дрейфа в обратном направлении.

Натыкаясь на прохожих и лавируя, чтобы обогнуть впередиидущих, Стивен, как обычно, пусть почти бессознательно, был настороже, выискивая в толпе ребенка, девочку пяти лет. Это было больше чем привычка, потому что от обычной привычки можно избавиться. Это стало чертой характера, глубоко укоренившейся от многократного повторения. В сущности, это нельзя было назвать поиском, хотя когда-то поиск занимал все его существо, причем в течение длительного времени. Два года подряд, от которых почти ничего не осталось; теперь он чувствовал лишь тоску, сухой голод. Биологические часы, бесстрастные в своем неостановимом беге, продолжали отмечать, как растет его дочь, как расширяется и усложняется ее словарь, как крепнут ее силы, как более уверенными делаются ее движения. Часы, настойчивые, как удары сердца, упрямо придерживались нескончаемого условного наклонения: сейчас бы она уже рисовала, сейчас бы она начала читать, сейчас бы у нее выпал

первый молочный зуб. Она была бы такой знакомой, такой будничной в своем присутствии. Порой казалось, что порождаемые воображением картины могут истончить эту условность, разрушить эту хрупкую, полупрозрачную завесу времени и случайности, тонкая паутина которой отделяла его от дочери: вот она вернулась домой из школы и очень устала, ее зуб лежит под подушкой, она оглядывается в поисках папы.

Каждая пятилетняя девочка – хотя мальчики тоже считались – дарила ей возможность дальнейшего существования. В магазинах, рядом с детскими площадками, дома у друзей Стивен не мог не искать черты Кейт в лицах других детей, не мог не замечать в них медленно свершавшихся перемен, признаков нараставшей самостоятельности, не мог не ощущать неиспользованной силы недель и месяцев – времени, которое могло бы принадлежать ей. Взросление Кейт давно уже стало сущностью самого времени. Этот иллюзорный рост, порождение всепоглощающего горя, был не только неизбежен – ничто не могло остановить настойчиво пульсирующих часов, – но и необходим. Без мечты о ее длящемся существовании он бы пропал, время бы остановилось. Стивен был отцом невидимого ребенка.

Но сейчас лишь бывшие дети шаркали по Милбанку, направляясь на работу. Дальше по ходу улицы, прямо перед Парламент-сквер, показалась группа зарегистрированных нищих. Им запрещено было появляться возле здания парламента, Уайтхолла или в пределах видимости сквера. Но несколько человек воспользовались преимуществом, которое давало пересечение пешеходных маршрутов. Стивен заметил их яркие значки метров за двести впереди себя. Погода была как раз для них, и нищие держались уверенно, чувствуя свободу. Обладатели постоянного заработка вынуждены были уступать им дорогу. Дюжина нищих побиралась по обеим сторонам улицы, неуклонно пробираясь навстречу Стивену сквозь плотную толпу пешеходов. Взгляд Стивена был устремлен на ребенка. Правда, это была не пятилетняя девочка, а тощая одиннадцатилетка. Она заметила его еще на расстоянии. Она шла медленно, сомнамбулически, выставив вперед черную чашку установленного образца. Конторские служащие расступались и снова смыкались у нее за спиной. Она приближалась, не отводя взгляда от Стивена. Он ощутил обычную борьбу противоречивых чувств. Подать ей значило подтвердить тем самым успех правительственной программы. Не подавать было равносильно нежеланию замечать тяжелое положение конкретного человека. Иного выхода не было. Искусство плохого правления заключалось в том, чтобы провести разделительную черту между государственной политикой и личным чувством, инстинктивным знанием того, что правильно. В последние дни Стивен

предоставлял дело случаю. Если в кармане была мелочь, он подавал. Если нет, то нет. Банкноты он не протягивал ни разу.

Солнечные дни, проведенные на улице, покрыли кожу девочки густым загаром. На ней было неопрятное желтое платье из ситца, волосы на голове были острижены очень коротко. Возможно, недавно она прошла санобработку от вшей. Пока расстояние между ними сокращалось, Стивен успел заметить, что у девочки симпатичное лицо, проказливое и веснушчатое, с заостренным подбородком. Она была меньше чем в десяти метрах от него, как вдруг кинулась вперед, чтобы поднять с тротуара еще блестящий комочек жевательной резинки. Сунув резинку в рот, она принялась жевать. Маленькая голова вызывающе откинулась назад, когда девочка снова взглянула на Стивена.

Теперь она стояла прямо перед ним, со стандартной чашкой для подаяний в руке. Она наметила его несколько минут назад, это был их обычный трюк. Смешавшись, Стивен полез в задний карман за пятифунтовой купюрой. С безразличным выражением на лице девочка следила за тем, как он опустил банкноту в чашку поверх монет.

Как только Стивен разжал пальцы, девочка схватила купюру, туго скатала ее в кулаке и сказала:

– Пошел ты, мистер.

Она попыталась обогнуть его сбоку. Стивен схватил ее за твердое узкое плечо.

– Что-что ты сказала?

Девочка повернулась и вырвалась из его пальцев. Ее глаза сузились, голос стал пронзительным.

– Я сказала «пасибо, мистер», – и, когда он уже не мог до нее дотянуться, добавила: – Гадина богатая!

Стивен с мягким упреком развел пустые ладони. Он улыбнулся, не разжимая губ, чтобы продемонстрировать, что не задет оскорблением. Но девочка уже шагала по улице равномерным шагом спящего на ходу человека. Он смотрел

попрошайке вслед почти целую минуту, пока она не затерялась в толпе. Она так и не оглянулась.

* * *

Комитет по охране детства, записной любимец нынешнего премьер-министра, в свое время породил четырнадцать подкомитетов, в задачу которых входила разработка рекомендаций для своего создателя. Однако настоящая их роль, согласно циничным утверждениям, сводилась к тому, чтобы удовлетворять противоречивым запросам несметного количества заинтересованных групп: сахаропромышленных и гамбургерных лобби, производителей детской одежды, игрушек, искусственных молочных смесей и фейерверков, благотворительных учреждений, женских организаций, группы давления сторонников пешеходных переходов «пеликан», – которые давили сразу со всех сторон. Редкие влиятельные силы отказывались от услуг подкомитетов. По общему мнению, вокруг было слишком много людей дурного сорта. Существовали четкие представления о том, какими должны быть благонадежные граждане и как нужно воспитывать детей, чтобы можно было не опасаться за будущее. Все входили в подкомитеты. Даже Стивен Льюис, детский писатель, состоял в одном из них, главным образом благодаря влиянию своего друга, Чарльза Дарка, который вышел в отставку почти сразу после того, как подкомитеты приступили к работе. Подкомитет Стивена занимался проблемами чтения и письма под руководством ящероподобного лорда Парментера. Еженедельно на протяжении раскаленных месяцев, которым предстояло стать последним незаметным летом двадцатого века, Стивен посещал заседания, проходившие в одной из мрачных комнат Уайтхолла, где, как ему говорили, в 1944 году разрабатывались планы ночных бомбардировок германских городов. В прежние времена он многое мог сказать по поводу чтения и письма, но на этих собраниях обычно сидел, положив руки на большой полированный стол, склонив голову в позе почтительного внимания, и молчал. В последние дни он много времени проводил в одиночестве. Полная комната людей не столько отвлекала его от ухода в себя, как он надеялся, сколько ускоряла бег мыслей и придавала им стройность.

В основном Стивен думал о жене и дочери, а также о том, что ему делать с самим собой. Или размышлял о внезапном уходе Дарка из политики. Напротив него находилось высокое окно, через которое даже в середине лета не пробивался ни один солнечный луч. Внутренний двор, вмещавший полдюжины правительственных лимузинов, покрывал прямоугольник низко подстриженной травы. Свободные водители бесцельно слонялись по газону, курили и безо

всякого интереса поглядывали на собрание через окно. Стивен прокручивал в голове воспоминания и воображаемые сцены, то, что было и что могло быть. Или это они сами текли через него? Порой он твердил про себя заезженные, навязчивые речи, исполненные горечи и печальных обвинений, отточенные от многократного повторения. В то же время Стивен вполуха слушал, о чем говорили на заседании. Члены подкомитета делились на теоретиков, чьи идеи – или то, что они выдавали за свои идеи, – считались новыми много лет назад, и на прагматиков, которые обычно брали слово в надежде, что в процессе выступления обнаружат, что сами думают по данному вопросу. Отношения царили напряженные, но границы вежливости никогда не переступались.

Лорд Парментер председательствовал, искусно и с достоинством изрекая банальности, указывая на следующего оратора мерцающим вращением белков, скрытых за глубокими веками без ресниц, приподнимая легкую, как перо, конечность, чтобы утихомирить страсти, изредка отпуская замечания голосом сонного лемура, демонстрируя при этом сухой, пятнистый язык. Только темный двубортный костюм выдавал его принадлежность к человеческому роду. Избитые фразы в его устах приобретали оттенок аристократичности. Он мог положить желанный конец долгой и бурной дискуссии по теории детского развития вескими словами: «Мальчишки всегда будут мальчишками». То, что дети не любят воду и мыло, на лету схватывают все новое и слишком быстро растут, преподносилось лордом словно ряд трудных аксиом. Банальность Парментера была надменной, бесстрашной, и, словно полагаясь на собственную важность и неуязвимость, он не беспокоился о том, как глупо звучат его слова. Ему не нужно было производить впечатление ни на одного из присутствующих. Он даже не снисходил до того, чтобы казаться просто заинтересованным. Стивен не сомневался, что Парментер был весьма неглупым человеком.

Члены подкомитета не считали нужным знакомиться друг с другом слишком близко. По окончании долгих заседаний, рассортировывая по портфелям бумаги и книги, они вели вежливые разговоры, длящиеся, пока тянулись стены двухцветных коридоров, и рассыпавшиеся эхом, когда члены подкомитета спускались по спиральной бетонной лестнице, чтобы разойтись по разным уровням министерского подземного гаража.

Все душное лето напролет, а также еще несколько последующих месяцев Стивен совершал свои еженедельные прогулки до Уайтхолла. Это было единственной обязанностью в его жизни, во всех остальных отношениях совершенно свободной. Большую часть этой свободы он проводил на диване,

растянувшись перед телевизором в одном белье. Там он угрюмо потягивал неразбавленное виски, перелистывал журналы от конца к началу или смотрел трансляции с Олимпийских игр. По вечерам количество спиртного увеличивалось. Обедал Стивен в местном ресторане, один. Он не старался поддерживать отношения с друзьями. Он больше не отвечал на звонки, записанные на автоответчике. У него вошло в привычку с безразличием взирать на грязь, царившую в квартире, на черных мясистых мух и их праздные дозоры. Выйдя на улицу, Стивен страшился возвращения к неумолимому распорядку знакомых вещей, к низким пустым креслам, к громоздившимся возле них немытым тарелкам и старым газетам. В этом состоял упрямый заговор предметов – сиденья от унитаза, простыней на постели, мусора на полу – оставаться точно в том положении, в котором он их оставил. Дома его мысли постоянно вращались вокруг привычных тем: дочь, жена, что делать дальше. Но на заседаниях подкомитета ему не удавалось сконцентрироваться надолго. Стивен грезил обрывками мыслей, бесконтрольно, почти бессознательно.

* * *

Члены подкомитета следили за тем, чтобы быть пунктуальными. Последним всегда приходил лорд Парментер. Опускаясь на свое место, он призывал собравшихся к порядку тихим булькающим звуком, который ловко переходил во вступительные слова его речи. Секретарь подкомитета Питер Канхем сидел справа от председателя, отодвинувшись от стола, что символизировало его отрешенность. В течение ближайших двух с половиной часов от Стивена требовалось лишь правдоподобно изображать внимание. Это удобное выражение лица было знакомо ему со школьной скамьи, на которой он провел сотни, а то и тысячи часов, посвященных мысленным странствиям. Сама комната, в которой проходили заседания, была ему знакома. Он чувствовал себя как дома рядом с коричневыми бакелитовыми выключателями, рядом с электропроводкой в некрасивых пластмассовых трубках, проложенных прямо по стене. В школе, где он учился, кабинет истории выглядел очень похоже: тот же потертый, настоявшийся уют, тот же длинный выщербленный стол, который кто-то все еще давал себе труд полировать, та же дурманящая смесь призрачной величавости и сонного бюрократизма. Когда Парментер с ящероподобной вежливостью стал докладывать повестку дня утреннего заседания, Стивен услышал успокаивающий уэльский говорок своего учителя, весело журчавший о славе двора Карла Великого или о сменявших друг друга периодах разврата и реформ в истории средневекового папства. Через окно он видел не огороженную автостоянку с раскаленными солнцем лимузинами, а, будто глядя с высоты,

розарий, спортивные площадки, испещренную пятнами серую балюстраду, а за ней – неровный, невозделанный участок земли, убегавший к дубам и букам, а еще дальше, за деревьями, – огромный простор отмели и голубую реку, во время прилива шириной в милю. Это были утраченное время и утраченный ландшафт – однажды Стивен вернулся туда и обнаружил, что деревья аккуратно вырублены, земля распахана, а устье реки перекрыто мостом, по которому теперь проходит автострада. А поскольку утраты стали привычным предметом его размышлений, ему не составило труда перенестись в морозный солнечный день, на улицу перед супермаркетом в Южном Лондоне. Он держал за руку свою дочь. На ней был красный шерстяной шарф, связанный его матерью, к груди она прижимала потертого ослика. Они направлялись ко входу в магазин. Стояла суббота, народу вокруг было много. Стивен крепко сжимал в руке ее ладонь.

Парментер уже закончил говорить, и теперь один из присутствующих профессоров нерешительно объяснял достоинства недавно разработанного фонетического алфавита. Дети смогут учиться читать и писать в более раннем возрасте и с большим удовольствием, а переход к традиционному алфавиту обещает совершиться безо всяких усилий. Стивен держал карандаш с таким видом, будто собирался делать заметки. Он хмурился и едва заметно качал головой, хотя трудно было сказать, с одобрением или нет.

Кейт была в том возрасте, когда стремительный рост словарного запаса и связанные со словами представления вызывают по ночам кошмары. Она не могла рассказать о них родителям, но было ясно, что они состояли из образов, знакомых ей по книгам сказок: говорящая рыба, огромная скала с заключенным в ней городом, одинокое чудище, томящееся по сердцу, которое его полюбит. Тяжелые сны мучили Кейт и в ту ночь. Несколько раз Джулия вставала, чтобы подойти к ней, а потом уже так и не смогла уснуть до утра. Теперь Джулия отсыпалась. Стивен приготовил завтрак и одел Кейт. Несмотря на беспокойную ночь, она была полна энергии и горела желанием идти за покупками, чтобы прокатиться на тележке в супермаркете. Необычное сочетание яркого солнца с морозным днем озадачивало ее. На этот раз она не мешала процессу одевания. Она стояла у Стивена между коленями, пока он натягивал на нее зимнее белье. Ее тело было таким маленьким, таким безупречным. Он подхватил дочь на руки и приник лицом к ее животу, делая вид, будто хочет укусить. Кейт пахла теплой постелью и молоком. Она взвизгнула и стала извиваться у него в руках, а когда Стивен поставил ее на пол, попросила, чтобы он проделал это еще раз.

Стивен застегнул на ней шерстяную рубашку и помог натянуть толстый свитер, который потом заправил в теплые брюки. Кейт принялась напевать какой-то неузнаваемый мотив, беспорядочно составленный из импровизаций, детских песенок и обрывков рождественских мелодий. Стивен посадил ее на свое место, надел на нее носки и начал зашнуровывать ботинки. Когда он опустился перед ней на колени, она принялась гладить его волосы. Подобно многим маленьким девочкам, Кейт на свой лад заботилась об отце. Она всегда проверяла, прежде чем они выходили из дома, застегнул ли он до самого верха пуговицы своего пальто.

Стивен принес Джулии чаю. Она лежала в полусне, подтянув колени к животу. Она проговорила что-то невнятное, утонувшее в подушке. Стивен просунул руку под одеяло и помассировал ей поясницу. Джулия перекатилась на спину и притянула его лицо к своей груди. Когда они поцеловались, он ощутил у нее во рту тяжелый, металлический привкус глубокого сна. До полумрака спальни долетал голос Кейт, которая все еще мурлыкала свою мешанину. На мгновение Стивен ощутил искушение махнуть рукой на магазины и усадить Кейт с книгами перед телевизором. Тогда он мог бы проскользнуть под тяжелое одеяло к жене. Они уже занимались любовью сегодня утром, после того как рассвело, но полусонно, ненастойчиво. Теперь Джулия возобновила ласки, забавляясь его затруднительным положением. Стивен поцеловал ее еще раз.

Они были женаты уже шесть лет, на протяжении которых постепенно, но настойчиво учились лавировать между тягой к физическому удовольствию, домашними обязанностями и потребностью в одиночестве. Стоило пренебречь чем-то одним, и во всем остальном воцарялись хаос и беспорядок. Даже теперь, мягко сжав сосок Джулии, Стивен вел мысленные расчеты. Днем, после беспокойной ночи и похода в магазин, Кейт непременно захочет спать. Тогда они будут уверены, что им не помешают. Позже, на протяжении месяцев и лет, заполненных сожалениями, Стивен будет прилагать усилия, чтобы вернуться в то утро, прорыть обратный ход между складками событий, забраться под одеяло к Джулии и изменить свое решение. Но время – необязательно по самой своей сути, потому что никто не знает его истинной сути, но в том виде, в каком оно поддается осмыслению, – маниакально отказывается предоставить человеку второй шанс. Не существует абсолютного времени, как когда-то объяснила Стивену Тельма, его близкий друг, как не существует независимого бытия. Только наши индивидуальные и шаткие представления о них. Он отложил удовольствие на потом, он уступил требованиям долга. Стивен сжал руку Джулии и поднялся. В коридоре к нему подошла Кейт, что-то громко говорившая, с потертым игрушечным осликом в руках. Стивен наклонился, чтобы

дважды обмотать ее горло красным шарфом. Она поднялась на цыпочки, чтобы проверить пуговицы его пальто. Они взялись за руки еще до того, как вышли из дверей квартиры.

Оказавшись на улице, они словно окунулись в шторм. Шоссе перед их домом было главной автомагистралью, ведущей на юг, и машины пролетали по нему с сумасшедшим неистовством. Холодному, пронизанному антициклоном дню предстояло послужить навязчивой памяти яркой резкостью освещения, циничной отчетливостью деталей. В солнечном свете возле ступеней валялась сплющенная банка из-под кока-колы, из которой все еще торчала соломинка, сохранившая трехмерную форму. Кейт собралась спасти соломинку, но Стивен запретил. А дальше, возле дерева, словно подсвеченного изнутри, справлял нужду пес с дрожащими лапами и возвышенным, мечтательным выражением на морде. Дерево было увядшим дубом, кора которого казалась свежевырезанной, с искусно обработанными, блестящими рубцами и укрытыми иссиня-черной тенью бороздами.

До супермаркета идти было две минуты по пешеходному переходу через дорогу шириной в четыре ряда. Недалеко от того места, где они остановились в ожидании зеленого света, находился мотосалон – место сбора байкеров со всего мира. Мужчины в потертой коже с отвисшими животами стояли, склонившись над неподвижными машинами, или сидели на них верхом. Когда Кейт вынула изо рта палец, сустав которого сосала до этого, и указала на них, в лучах низкого солнца от пальца поднимался пар. Ей, однако, не удалось подобрать слова, чтобы выразить увиденное. Наконец они миновали переход под носом у нетерпеливой стаи машин, которая, зарычав, рванула вперед в тот момент, когда Кейт со Стивеном достигли островка безопасности. Кейт оглядывалась в поисках знакомой продавщицы леденцов, которая всегда узнавала ее. Стивен объяснил, что сегодня суббота и продавщица не работает. Вокруг было много народу, и он крепко держал дочь за руку, пока они шли ко входу в магазин. Среди голосов, криков и электромеханического треска, раздававшегося из-за кассовых прилавков, они разыскали свободную тележку. Кейт широко улыбалась сама себе, устраиваясь поудобнее на импровизированном сиденье.

Покупатели супермаркета делились на две группы, столь же отличные друг от друга, как разные племена или народы. Первые жили обособленно в собственных модернизированных домах в викторианском стиле. Вторые тоже проживали компактно, но в многоквартирных домах-башнях или муниципальных микрорайонах. Люди из первой группы покупали в основном свежие фрукты и

овощи, хлеб из непросеянной муки, кофейные зерна, свежую рыбу со специального прилавка, вино и крепкие алкогольные напитки, тогда как в тележках у людей из второй группы лежали консервированные и замороженные овощи, бобы в банках, супы быстрого приготовления, сахар-рафинад, готовые кексы, спиртное и сигареты. Во вторую группу входили пенсионеры, бравшие мясо для своих кошек и печенье для себя. И молодые матери, с крепко зажатыми в губах сигаретами, изможденные от усталости, которые иногда поднимали шум около кассы и отпускали звонкие шлепки детям. К первой группе относились молодые бездетные пары в яркой одежде, которые в крайнем случае лишь слегка досадовали на очереди. В магазин ходили также матери вместе с детьми и гувернантками и отцы наподобие Стивена, которые покупали свежую рыбу, выполняя свою часть домашних обязанностей.

Что еще он купил в тот день? Зубную пасту, салфетки, жидкость для мытья посуды и самый лучший бекон, ногу ягненка, бифштекс, зеленый и красный перец, редис, помидоры, рулон фольги, литровую бутылку виски. А кто был там, рядом, когда он протягивал руку за очередным товаром? Кто шел следом за ним, пока Стивен толкал тележку с Кейт вдоль боковых проходов, огороженных стеллажами? Кто стоял в нескольких шагах от него, когда он останавливался? Кто делал вид, будто заинтересовался этикеткой, а затем возобновлял движение, когда он трогался дальше? Стивен тысячу раз возвращался к тем минутам, видел свою руку, полку, груды товаров, слышал болтовню Кейт и пытался отвести глаза в сторону, поднять их, преодолевая груз времени, чтобы найти эту подернутую пеленой фигуру на периферии поля зрения, того, кто постоянно был там, сбоку и немного сзади, кто, исполненный странного желания, считал мелочь или просто выжидал. Но время навсегда остановило взгляд Стивена на обыденных поручениях, и все находившееся вокруг него не имело определенной формы, скользило и растворялось, не поддаваясь рациональному анализу.

Пятнадцать минут спустя они подошли к кассам. На контроле были установлены восемь параллельных прилавков. Стивен встал в небольшую очередь к ближайшему от входной двери, так как знал, что девушка, сидевшая за аппаратом, работает быстро. Перед ним было три человека, когда он остановил тележку, и никого сзади, когда он обернулся, чтобы снять Кейт с ее места. Ей было весело там, и она не хотела, чтобы ей мешали. Она захныкала и попыталась уцепиться за тележку ногами. Стивену пришлось поднять дочь повыше, чтобы высвободить их. С бессознательным чувством удовлетворения он отметил про себя раздражительность Кейт – это был верный признак того, что она устала. Когда эта небольшая борьба закончилась, перед ним осталось всего

двое покупателей, первый из которых уже готов был отойти. Стивен обошел тележку спереди, чтобы разгрузить ее на ленту транспортера. Кейт держалась за широкую ручку с другой стороны, показывая всем видом, будто толкает тележку вперед. За спиной у нее никого не было. Теперь покупатель, стоявший перед Стивеном, мужчина с искривленной спиной, расплачивался за несколько банок собачьих консервов. Стивен вытащил из тележки первые покупки и положил их на ленту. Когда он выпрямился, ему, возможно, показалось, что рядом с Кейт возникла фигура в темном пальто. Но это трудно было назвать осознанным впечатлением, это было лишь ничтожное подозрение, вызванное к жизни доведенной до отчаяния памятью. Пальто могло оказаться на самом деле платьем, или продуктовой сумкой, или его собственной выдумкой. Он был сосредоточен на повседневных мелочах, намереваясь поскорее покончить с ними. В тот момент он вообще вряд ли о чем-нибудь думал.

Мужчина с собачьим кормом ушел. Девушка за прилавком уже занималась Стивеном, пальцы одной руки летали по кнопкам кассового аппарата, другая рука пододвигала к себе его покупки. Доставая из тележки лосося, Стивен взглянул на Кейт и подмигнул ей. Она повторила его мимику, но неуклюже, наморщив нос и зажмурив глаза. Стивен положил рыбу на прилавок и попросил у девушки пакет для покупок. Она протянула руку под полку и вытащила оттуда пакет. Он взял его и повернулся. Кейт исчезла. За его спиной вообще никого не было. Стивен не спеша отодвинул тележку, полагая, что девочка присела за углом прилавка. Затем он сделал несколько шагов и заглянул в единственный боковой проход, куда она могла успеть забежать. Отступив назад, он посмотрел направо и налево. С одной стороны стояли очереди покупателей, с другой – свободное пространство отделяло его от хромированного турникета, за которым находилась автоматическая дверь на улицу. Где-то неподалеку могла быть фигура в пальто, поспешно удалявшаяся прочь, но в тот момент Стивен искал трехлетнюю девочку, и единственное, что его волновало, был транспорт.

Это было теоретическое беспокойство, простая предосторожность. Когда Стивен, протолкавшись мимо других покупателей, выскочил на широкий тротуар, он знал, что не увидит там своей дочери. Кейт не испытывала склонности к приключениям такого рода. Она никогда не отбивалась от родителей. Она была слишком общительной и охотно держалась рядом. Кроме того, она боялась проезжей части. Стивен вернулся в магазин и почувствовал облегчение. Кейт должна быть где-то внутри, и серьезная опасность ей не грозит. Стивен ждал, что она вот-вот появится из-за очередей покупателей у касс. Довольно легко не заметить ребенка в первую минуту волнения, когда смотришь слишком напряженно, слишком быстро. И все же, возвращаясь, он

ощущал болезненный комок у основания горла и неприятную легкость в ногах. Когда Стивен обошел все кассы, не задерживаясь перед той, где остались его покупки и где девушка раздраженно пыталась привлечь его внимание, он почувствовал, как со дна желудка поднимается холодок. Бегом, но сдерживая шаг – он еще не потерял голову настолько, чтобы не думать о том, как глупо выглядит, – Стивен миновал все проходы между стеллажами, все горы апельсинов, рулонов туалетной бумаги, пакетиков с супами. Лишь вернувшись к начальной точке своего поиска, он отбросил правила приличия, набрал воздуху в сжавшиеся легкие и громко позвал Кейт по имени.

Теперь он бежал широкими шагами, на ходу выкрикивая ее имя, проталкиваясь через один из проходов и снова направляясь к входным дверям. Люди поворачивались в его сторону. Никто не принял его за забулдыгу, по ошибке попавшего в супермаркет в поисках сидра. Его страх был слишком очевидным, слишком убедительным, он заполнял обезличенное, залитое флуоресцентным светом пространство настойчивым человеческим теплом. Через несколько мгновений торговля вокруг него остановилась. Корзины и тележки были отставлены в сторону, люди сходились группами, произнося имя Кейт, и почти сразу же каким-то образом все узнали, что ей три года, что последний раз ее видели около кассы, что на ней были зеленые брюки, а в руках она держала игрушечного ослика. Лица матерей были встревожены, напряжены. Несколько человек заметили маленькую девочку, сидевшую в тележке. Кто-то вспомнил цвет ее свитера. Анонимность большого городского универмага на поверку оказалась тонкой хрупкой коркой, под которой люди наблюдали, оценивали, запоминали. Несколько покупателей, окруживших Стивена, двинулись к дверям. Рядом с ним оказалась та девушка-кассир с застывшим от сосредоточенности лицом. Здесь же, в коричневых куртках, белых пиджаках и голубых костюмах, находились другие лица из административной иерархии супермаркета, внезапно превратившиеся из складских рабочих, помощников менеджера и представителей компании просто в отцов, реальных или будущих. Теперь все они стояли на тротуаре, некоторые сгрудились вокруг Стивена, задавая вопросы или пытаясь его утешить, тогда как другие, от которых было больше пользы, разбрелись в разных направлениях, чтобы заглянуть в двери близлежащих магазинов.

Пропавший ребенок принадлежал всем сразу. Но Стивен был в одиночестве. Он смотрел сквозь доброжелательные лица, теснившиеся перед ним, заглядывал поверх голов. Они были неуместны. Их голоса не достигали его, эти люди были препятствием, закрывавшим ему обзор. Они мешали ему разглядеть Кейт. Ему приходилось плыть через них, расталкивать их, чтобы добраться до нее. Ему

нечем было дышать, он не мог думать. Стивен услышал, как с его губ слетело слово «украдена», которое тотчас было подхвачено и донеслось до всех вокруг, даже до пешеходов, привлеченных общим волнением. Высокая девушка-кассир с ловкими пальцами, казавшаяся такой сильной, разрыдалась. Стивен успел почувствовать мгновенное разочарование в ней. Словно вызванная словом, которое он произнес, к кромке тротуара подъехала заляпанная грязью белая полицейская машина. От официального подтверждения обрушившейся беды у Стивена закружилась голова. Что-то изнутри подкатило к горлу, и он согнулся пополам. Возможно, его стошнило, но он этого не помнил. Когда Стивен пришел в себя, он опять стоял в супермаркете, и на этот раз вокруг него собрались лишь те, кому положено было присутствовать по должности и занимаемому положению: управляющий, молодая женщина, видимо, его личный секретарь, помощник управляющего и двое полицейских. Наступила внезапная тишина.

Все они быстрым шагом направились в заднюю часть обширного торгового зала. Стивен не сразу заметил, что теперь он не возглавляет поиск, а идет вслед за остальными. Магазин уже очистили от покупателей. Через толстую стеклянную витрину справа от себя он увидел третьего полицейского с блокнотом в руках, окруженного высыпавшими из супермаркета людьми. Управляющий что-то быстро говорил в полной тишине, строил предположения, пытался утешить. Ребенок – он знал, как ее зовут, подумал Стивен, но положение обязывало его не называть Кейт по имени, – ребенок мог забраться в подсобное помещение для разгрузки. Как это им сразу не пришло в голову. Дверь в холодильную камеру, сколько он ни выговаривал подчиненным, иногда остается открытой.

Они ускорили шаг. Из полицейской рации вырывались короткие неразборчивые фразы. Возле секции с надписью «Сыр» была дверь, миновав которую они очутились в помещении, где не было современной отделки торгового зала, где пластиковый линолеум уступил место цементному полу с холодно блестевшими прожилками слюды и где свет лился из высоких электрических ламп без плафонов, подвешенных к невидимому потолку. Рядом со штабелем сложенных картонных коробок замер автопогрузчик. Переступив через грязную лужу разлитого молока, управляющий поспешно направился к двери в холодильную камеру, которая была приоткрыта.

Вслед за ним они попали в низкую тесную комнату, разделенную на два длинных прохода, тонувших в полумраке. По бокам высились стеллажи с неаккуратно наваленными на них жестяными банками и бумажными коробками, а в центре с потолка на специальных крюках свисали огромные мясные туши. Вошедшие

разбились на две группы и двинулись по проходам к дальней стене. Стивен пошел с полицейскими. Холодный сухой воздух, отдающий мерзлой жестью, щекотал в носу. Они шли медленно, заглядывая за ящики на стеллажах. Один из полицейских спросил, сколько здесь может продержаться человек. Через просветы в мясном занавесе, разделявшем их, Стивен увидел, как управляющий покосился на своего помощника. Молодой человек прочистил горло и осторожно ответил, что, пока ходишь, опасаться нечего. Пар белым облачком вырвался у него изо рта. Стивен знал, что, если они найдут Кейт здесь, она будет мертва. Но облегчение, которое он ощутил, когда обе группы встретились у задней стены, было неопределенным. Он уже успокоился настолько, чтобы взглянуть на происходящее отстраненно и взвешенно. Если Кейт можно найти, они ее найдут, потому что он был готов не прекращать поиски ни на минуту. Если она исчезла навсегда, то у него еще будет время осознать этот факт, опираясь на рассудок и здравый смысл. Но не сейчас.

Очутившись в нереальном, тропическом тепле, они направились в кабинет управляющего. Там полицейские вытащили блокноты, и Стивен рассказал о случившемся в энергичных словах, стараясь не упускать деталей. Он достаточно отвлекся от своих чувств, чтобы с удовлетворением отметить, как сжато и четко он излагает существенные подробности. Глядя на себя со стороны, он видел человека в стрессовом состоянии, который сохраняет замечательное самообладание. Можно было забыть о Кейт, занявшись скрупулезным описанием ее одежды и тщательно восстанавливая черты ее лица. Стивена также восхищала будничная сосредоточенность полицейских и то, как от их пистолетов в отполированных кобурах приятно пахло кожей и оружейным маслом. Они словно объединились с ним перед лицом невыразимо трудной ситуации. Один из полицейских передал составленное Стивеном описание Кейт по рации, и они услышали искаженный голос, ответивший из ближайшей патрульной машины. Все это значительно прибавило Стивену уверенности. Он был в состоянии, близком к восторгу. Секретарь управляющего обращалась к нему с неуместной, на его взгляд, озабоченностью в голосе. Она сжимала локоть Стивена, настаивая, чтобы он выпил приготовленный ею чай. Сам управляющий, стоя за порогом кабинета, жаловался подчиненным на то, что супермаркеты всегда привлекали похитителей детей. Секретарь торопливо прикрыла дверь кабинета ногой. Резкое движение выпустило из складок ее строгого костюма запах духов, и Стивен подумал о Джулии. Тут же он почувствовал, как в голове у него начинает разливаться чернота. Вцепившись в спинку стула, он замер в ожидании, когда чернота уйдет, и тогда, взяв себя в руки, встал на ноги. Беседа окончилась. Полицейские спрятали свои блокноты и тоже поднялись. Секретарь предложила проводить его до дома, но Стивен энергично замотал головой.

Сразу после этого, без каких-либо сохранившихся в памяти временных пауз или промежуточных событий, он оказался на улице среди десятка людей, собравшихся перед пешеходным переходом. В руке он держал полный продуктовый пакет. Стивен вспомнил, что так и не успел заплатить. Лосось и фольга достались ему бесплатно, в качестве компенсации. Транспортный поток неохотно замедлил движение и остановился. Стивен пересек улицу вместе с другими покупателями, пытаясь вытерпеть будничный вид окружающего мира. Со стороны происшедшее выглядело безжалостно просто: он пошел за покупками вместе с дочерью, потерял ее и теперь возвращается домой, чтобы рассказать обо всем жене. Байкеры по-прежнему были на своем месте, и так же по-прежнему чуть поодаль лежала жестянка из-под кока-колы с торчащей соломинкой. Даже пес сидел под тем же деревом. Поднимаясь по лестнице, Стивен помедлил на сломанной ступеньке. В голове у него гремела музыка, казалось, там играл огромный оркестр, чей диссонирующий напор затих было, пока он стоял, держась за перила, но тут же возобновился, как только Стивен сделал следующий шаг.

Он открыл входную дверь и прислушался. Обстановка и полумрак подсказали ему, что Джулия еще спит. Стивен снял пальто. Когда он поднял его, чтобы повесить, желудок судорожно сжался и утренний кофе – черного цвета, почему-то подумалось ему, – выплеснулся ему в рот. Стивен сплюнул в подставленные ладони и направился на кухню, чтобы умыться. Ему пришлось переступить через брошенную Кейт пижаму. Это оказалось относительно легко. Затем он вошел в спальню, не имея ни малейшего понятия, что он должен сказать или сделать. Стивен опустился на край кровати. Джулия перевернулась к нему лицом, но продолжала лежать, не открывая глаз. Ощупью она нашла его руку. Ее ладонь была горячей, почти обжигающей. Она что-то сонно пробормотала о том, какие холодные у него пальцы. Потянув его к себе, Джулия спрятала его руку у себя под подбородком. Она нежилась под защитой его присутствия.

Стивен посмотрел на жену, и избитые слова – любящая и заботливая мать, нежно привязанная к своему ребенку, – внезапно обрели для него новый смысл; практичные, пристойные выражения, подумал он, прошедшие проверку временем. Изящный завиток черных волос лежал у нее на щеке, чуть пониже сомкнутых век. Джулия была тихой, мечтательной женщиной с милой улыбкой, она обожала мужа и любила говорить ему об этом. Стивен строил свою жизнь вокруг их тесной близости и постепенно стал зависим от нее. Джулия была скрипачкой, она давала уроки в колледже при ратуше. Она и еще трое ее знакомых объединились в струнный квартет. Билеты на их концерты заказывали

заранее, и одна из столичных газет уже посвятила им благожелательную заметку. Будущее было, точнее, казалось лучезарным. Левой рукой, кончиками пальцев с огрубевшими подушечками, Джулия поглаживала его запястье. Стивен глядел на нее из невероятного далека, словно их разделяли сотни метров. Его взору открывалась их спальня, многоквартирный дом в эдвардианском стиле, просмоленные крыши задних пристроек, кривобокие водяные баки с осадком на дне, путаница Южного Лондона, смутные изгибы земли. Джулия была едва различимым пятнышком в клубке простыней. Он продолжал подниматься, еще выше, еще быстрее. По крайней мере, думал Стивен, здесь, в вышине, где воздух разрежен, а город внизу кажется собранием геометрически правильных форм, никто не увидит его чувств, и он сможет обрести самообладание.

Именно тогда Джулия открыла глаза и увидела его лицо. Прошло несколько секунд, в течение которых она пыталась понять застывшее на нем выражение, после чего торопливо села на постели и издала недоверчивый возглас, легкий всхлип на грани шумного вдоха. В этот момент в объяснениях не было ни смысла, ни нужды.

* * *

В общем и целом подкомитет не был расположен в пользу фонетического алфавита. Полковник Джек Тэкль, активист кампании за прекращение насилия над детьми в семьях, уже успел заявить, что все это сущая чепуха. Молодая женщина по имени Рейчел Мюррей откликнулась на его выпад резким опровержением, тщетно пытаясь скрыть за профессиональной лексикой презрение, дрожавшее в ее словах. Теперь в ее сторону лучезарно улыбалась Тесса Спанки, издатель детских книг, крупная женщина с ямочками у основания каждого пальца на руках. Ее дружелюбное лицо с двойным подбородком сплошь было покрыто веснушками и сетью морщинок. Выступая, она не забывала одаривать мягким взглядом каждого из присутствующих. Тесса говорила медленно и рассудительно, словно обращаясь к группе рассерженных детей. Нет такого языка на земле, сказала она, на котором легко было бы выучиться читать и писать. Очень хорошо, если процесс обучения можно совместить с игрой. Но развлечение здесь не главное. Учителям и родителям следует примириться с тем, что в основе своей обучение языку сопряжено с трудностями. Зато победа над трудностями, добавила она, воспитывает в детях чувство собственного достоинства и приучает их к умственной дисциплине. Английский язык с его нерегулярной орфографией, где исключений гораздо

больше, чем правил, подобен минному полю, но это поле необходимо пересечь, и без упорных усилий здесь не обойтись. Учителя слишком неохотно прибегают к принуждению, слишком часто стремятся подсахарить горькое питье. Вместо этого они должны признать трудности, должны приветствовать препятствия и привить своим ученикам любовь к их преодолению. Есть только один способ научиться писать без ошибок – сродниться с графическим обликом слова, раствориться в нем. Как еще – и тут она выстрелила хорошо заученным списком – можно запомнить, как пишутся все эти «террасы», «галереи», «инженеры», «циновки» и «яства»? Миссис Спанки материнским взглядом окинула внимательные лица. Усердие, сказала она, прилежание, дисциплина и трудолюбие.

Когда она закончила, раздался одобрительный рокот. Профессор, предлагавший ввести фонетический алфавит, начал говорить о дислексии, о распродаже государственных школ, о нехватке жилья. Послышалось несколько недовольных восклицаний. Обычно уравновешенный, профессор возвысил голос. Две трети одиннадцатилетних школьников из центрального Лондона, заявил он, не умеют читать и писать. Тут вмешался стремительный, как ящерица, Парментер. Потребности специальных детских групп, возразил он, не стоят на повестке дня их подкомитета. Сидевший рядом с ним Канхем усиленно закивал. Подкомитет занимается целями и средствами, а не патологиями. Дискуссия распалась на отдельные разговоры. По непонятной причине предложили голосовать.

Стивен поднял руку, проголосовав за алфавит, который, он знал, не найдет себе применения. Впрочем, ему было все равно, потому что в эту минуту он пересекал широкую полосу потрескавшегося, покрытого рытвинами асфальта, отделявшего друг от друга два городских квартала. С ним была папка с фотографиями и списки имен и адресов, аккуратно перепечатанных и расставленных в алфавитном порядке. Эти фотографии – увеличенные снимки, сделанные во время отпуска, – Стивен показывал каждому, чьим вниманием ему удавалось завладеть. Списки, составленные в библиотеке, где он изучал старые подшивки местных газет, содержали фамилии родителей, чьи дети умерли за последние шесть месяцев. Согласно его теории, одной из многих, Кейт украли, чтобы заменить ею потерянного ребенка. Стивен стучался в двери и разговаривал с матерями, которые слушали его сперва недоуменно, а затем враждебно. Он посещал нянь и гувернанток. Он ходил по оживленным улицам, показывая всем фотографии Кейт. Он подолгу бродил около супермаркета и задерживался у входа в соседнюю аптеку. Он забирался все дальше и дальше, пока протяженность района его поисков не составила три мили. Деятельность стала для него необходимой анестезией.

Стивен повсюду ходил один, каждый день покидая дом вскоре после того, как наступал поздний зимний рассвет. Полиция утратила интерес к его делу после недели поисков. Беспорядки в северных пригородах, сказали ему в участке, отвлекают все их силы. А Джулия оставалась дома. Она взяла специальный отпуск в колледже. Когда по утрам Стивен выходил на улицу, она сидела в кресле в их спальне, лицом к холодному камину. Там он и находил ее, когда, вернувшись домой вечером, зажигал свет.

Поначалу их отвлекала суета самого унылого рода: встречи со старшими полицейскими чинами и командами констеблей, возня со служебными собаками, интерес со стороны нескольких газетчиков, новые объяснения, паническая тоска. На протяжении этого времени Стивен и Джулия держались вместе, задавались недоуменными риторическими вопросами, ночи напролет проводили без сна, предавались рассуждениям, в которых надежда сменялась отчаянием. Но все это было до тех пор, пока время, это безжалостное скопление дней, не обнажило перед ними абсолютную, горькую правду. Молчание вторглось между ними и стало сгущаться. Одежда и игрушки Кейт по-прежнему лежали по всей квартире, ее постель все еще не была убрана. Затем, однажды вечером, беспорядок исчез. Вернувшись домой, Стивен обнаружил, что с кровати снято все белье, а у дверей в детскую стоят три разбухших пластиковых мешка. Он рассердился на Джулию, полный отвращения к этой, как он называл ее про себя, чисто женской тяге к саморазрушению, к умышленному пораженчеству. Но сказать ей об этом он не мог. В их отношениях не осталось места даже для гнева, они наглухо закрылись друг от друга. Они передвигались, словно тени, не находя сил для открытых столкновений. Внезапно их горе стало раздельным, изолированным, невыговариваемым. Их пути разошлись: Стивен остался со своими списками и ежедневными походами по городу, Джулия – в кресле, забывшись в глубокой, замкнутой для постороннего глаза печали. Теперь они были закрыты для взаимного утешения, нежности, любви. Их прежняя близость, их привычная уверенность в том, что они заодно, умерла. Каждый из них жил, съежившись перед лицом своей отдельной потери, и копил невысказанные обиды.

В конце очередного дня, посвященного хождению по улицам, ничто не причиняло Стивену такой боли, как мысль о жене, сидящей в темноте, о том, что она отзывается на его возвращение едва заметным движением, и о том, что ему не хватает ни доброй воли, ни изобретательности, чтобы нарушить воцарившееся между ними молчание. Стивен подозревал – и, как позже выяснилось, вполне справедливо, – что Джулия принимает все его усилия за

типично мужской способ уклониться от реальности, за попытку скрыть свои истинные чувства под маской уверенности, самодисциплины и физической активности. Потеря, обрушившаяся на них, обнажила крайности их характеров. Им открылась мера взаимной нетерпимости, которую печаль и потрясение сделали непреодолимой. Совместные трапезы стали невыносимы. Теперь Стивен ел на ходу, стоя в каком-нибудь баре, где подавали одни сэндвичи, переживая из-за каждой потерянной минуты, не желая присесть и прислушаться к своим мыслям. Джулия, насколько он знал, вообще ничего не ела. В начале их отчуждения он как-то принес домой хлеб и сыр, которые с тех пор, каждый по отдельности, мирно обрастали плесенью на обезлюдевшей кухне. Сесть за стол вдвоем значило бы признать неизбежное и примириться с тем, что они остались вдвоем.

Наконец дошло до того, что Стивен не мог больше смотреть на Джулию. Дело было даже не в том, что он замечал на ее лице следы изможденія, оставленные там исчезновением Кейт и его собственным молчанием. Ему была невыносима инертность Джулии, крах силы воли, ее почти экстатическое страдание, которое грозило подорвать его собственные усилия. У него была ясная цель – найти дочь и убить ее похитителя. Стивену нужно было только откликнуться на верный импульс и показать фотографию Кейт нужному человеку, который привел бы его к ней. Если бы только дни стояли подлиннее, если бы Стивену было легче победить нараставшее с каждым утром искушение не высовывать голову из-под одеяла, если бы он ходил быстрее, все время был внимателен, не забывал оглядываться каждую минуту, тратил бы меньше времени на еду, больше доверял своей интуиции, заходил бы в боковые улочки и двигался еще быстрее, охватывая все более обширную площадь, бегом, пожалуй, даже бегом…

Парментер, неуверенно поднявшись на ноги, убирал серебряную ручку во внутренний карман своего пиджака. Направившись к двери, которую Канхем специально отворил для него, старый лорд одарил всех прощальной улыбкой. Члены подкомитета зашуршали бумагами и завели традиционные сдержанные разговоры, с которыми обычно покидали здание. Стивен шел по душному коридору вместе с профессором, чей проект фонетического алфавита убедительно провалился на голосовании. Профессора звали Морли. В своей вежливой, неуверенной манере он объяснял, насколько затрудняли его работу дискредитировавшие себя алфавитные системы прошлого. Стивен знал, что скоро снова останется один. Но даже в эту минуту он ничего не мог поделать с уплывавшими мыслями, не мог заставить себя не вспоминать о том, как однажды ситуация ухудшилась настолько, что он почти ничего не почувствовал, когда февральским вечером вернулся домой и обнаружил, что кресло Джулии

опустело. На полу лежала записка с названием и телефонным номером пансиона где-то в Чилтернских округах. Никаких других сообщений она ему не оставила. Стивен бродил по квартире, зажигал свет и бессмысленно осматривал опустевшие комнаты, словно крохотную сцену, застывшую в ожидании, когда уберут декорации.

Закончив обход и вернувшись к креслу Джулии, Стивен помедлил возле него, положив руку на спинку, словно подсчитывал возможные выгоды некоего опасного предприятия. Наконец он сделал над собой усилие, в два шага обогнул кресло и опустился в него. Он уставился в черный камин, где разбросанные обгоревшие спички соседствовали с обрывком алюминиевой фольги. Минуты текли – время, чтобы почувствовать, как обшивка кресла освобождается от контура Джулии и принимает его формы, – пустые минуты, как все прочие. Затем Стивен обмяк, впервые за последние недели ощутив неподвижность. Он провел в таком положении много часов, всю ночь напролет, время от времени ненадолго впадая в дремоту, а когда пробуждался, не делал попытки пошевелиться или отвести взгляд от каминной решетки. Все это время, казалось, что-то сгущалось в молчании, стоявшем вокруг него, – медленная волна осознания, которая, вздымаясь с вкрадчивой силой прилива, не рухнула и не взорвалась драматическим грохотом, но вынесла его в эти краткие часы на простор понимания, в котором Стивену впервые открылась в ясном, истинном свете сущность его потери. Все, что было до этого, оказалось иллюзией, будничной и маниакальной мимикрией печали. Перед самым рассветом Стивен начал плакать, и именно с этой минуты, наступившей в полутьме, начался отсчет времени его горя.

Глава II

Дайте ему понять, что с часами договориться невозможно и если они показывают время идти в школу, папе – отправляться на работу, а маме приниматься за дела по хозяйству, то это так же неизбежно, как морской прилив.

Официальное руководство по детскому воспитанию (Управление по изданию официальных документов, Великобритания)

Тот факт, что Стивен Льюис имел много денег, а имя его было известно среди детей школьного возраста, стал следствием обычной ошибки клерка, минутной расслабленности в действиях сотрудника внутренней почтовой службы издательского дома Готта, положившего пакет с отпечатанной на машинке рукописью не на тот стол. И если Стивен никогда больше не упоминал об этой ошибке, произошедшей много лет назад, то это отчасти из-за щедрых авторских гонораров и авансов, поступивших с тех пор от Готта и многочисленных зарубежных издателей, а отчасти благодаря чувству покорности судьбе, которое приходит с первыми признаками зрелости. В двадцать пять лет ему казалось забавной шуткой, что он станет процветающим детским писателем, потому что в то время он чувствовал в себе силы заняться множеством других вещей; но теперь он уже не мог представить себя кем-то еще.

А кем еще он мог бы стать? Никто из старых друзей его студенческой поры – экспериментаторов от искусства и политики, наркоманов-визионеров – не достиг и половины такого успеха. Несколько его знакомых, когда-то по-настоящему независимых людей, смирились с тем, что до конца жизни будут преподавать английский язык иностранцам. Другие разменяли пятый десяток, измотанные дополнительными уроками английского или «науки выживания» для скучающих подростков в забытых богом средних школах. Этим еще повезло, у них была приличная работа. Другие мыли полы в больницах или водили такси. Одна из бывших сокурсниц Стивена дошла до нищенского значка; он с ужасом думал о том, что когда-нибудь столкнется с ней на улице. Все эти многообещающие молодые люди, эрудированные, подготовленные к деятельной жизни на семинарах по английской литературе, из которой они почерпнули свои острые лозунги: «энергия – вечное наслаждение», «проклятие воодушевляет, благословение расслабляет», – низверглись из библиотек в конце шестидесятых и начале семидесятых годов, одержимые погружениями в глубь своего «я» или поездками на Восток в раскрашенных автобусах. Когда мир стал меньше и серьезнее, они вернулись домой, чтобы служить Образованию, успевшему за это время пообноситься и сморщиться: школы распродавали частным инвесторам, выпускной возраст вот-вот должен был понизиться.

К тому времени уверенность в том, что чем выше уровень образования в обществе, тем скорее будут решены все социальные проблемы, понемногу сошла на нет. Вместе с ней мирно почила вера в более общий принцип, согласно которому с течением времени все большее число людей должно приобщаться к лучшей жизни и что обязанность руководить этой драмой реализовавшихся возможностей и расширившихся перспектив лежит на плечах правительства. Ряды желающих повысить свой интеллектуальный уровень когда-то были очень

широки, и для таких людей, как Стивен и его друзья, работы хватало. Преподаватели, музейные смотрители, разного рода гастролирующие лицедеи и рассказчики – огромная компания, целиком на содержании у государства. Ныне обязанности правительства свелись к более простым, более незамысловатым функциям: поддерживать порядок и защищать государство от врагов. Одно время Стивен питал смутное честолюбивое намерение стать учителем в государственной школе. Ему представлялось, как он – высокий, с резкими чертами лица – стоит у доски, а замерший в уважительном молчании класс, устрашенный его привычкой к внезапным саркастическим выпадам, напряженно ловит каждое слово. Теперь-то Стивен понимал, как ему повезло. Он стал автором детских книг и уже почти позабыл, что это произошло по ошибке.

Спустя год после окончания университета Стивен вернулся в Лондон с амебной дизентерией после одурманенного наркотиками путешествия по Турции, Афганистану и Северо-Западной пограничной провинции и обнаружил, что кодекс трудолюбия, с которым он и его поколение так старательно боролись, укоренен в нем по-прежнему глубоко. Стивен мечтал о порядке и целеустремленности. Он снял недорогую комнату, устроился клерком в информационное агентство и засел сочинять роман. Каждый вечер он работал по четыре-пять часов, наслаждаясь полетом воображения, благородством своего начинания. Стивен был нечувствителен к томительной скуке дневной службы, потому что хранил тайну, которая росла на тысячу слов в день. И он предавался всем обычным фантазиям начинающих писателей. Он был Томасом Манном, Джеймсом Джойсом, может быть, самим Уильямом Шекспиром. Для того чтобы придать своим трудам более волнующий характер, он стал писать при свете двух свечей.

Стивен собирался описать свое путешествие в романе под названием «Гашиш», где хотел поведать о хиппи, заколотых насмерть в спальных мешках, о девушке из приличной семьи, приговоренной к пожизненному заключению в турецкой тюрьме, о мистической претенциозности, о сексе под наркотиками, об амебной дизентерии. Но сначала он должен был наделить главного героя прошлым, рассказать о его детстве, чтобы дать представление о физическом и нравственном росте, который тому пришлось преодолеть. Однако первая глава упорно не желала завершаться. Она вдруг зажила собственной жизнью, и Стивен стал писать роман о летних каникулах, похожих на те, которые он, когда ему шел одиннадцатый год, провел с двумя своими кузинами примерно такого же возраста; роман, в котором мальчики носили короткие брюки и короткие стрижки, а девочки вплетали в косы цветные ленты, в котором вместо безумного секса было лишь необлеченное в слова томление и застенчиво переплетенные

пальцы, вместо кричаще-ярких автобусов фирмы «Фольксваген» – велосипеды с ивовыми корзинками для еды, и действие происходило не в Джелалабаде, а неподалеку от Ридинга. Роман был написан за три месяца, и Стивен назвал его «Лимонад».

Еще неделю он вычитывал и переделывал рукопись, опасаясь, что произведение вышло слишком коротким. Затем однажды утром в понедельник Стивен сказался на работе больным, снял с рукописи фотокопию, лично съездил с ней в Блумсбери и отдал в издательство Готта. Как обычно бывает, он ждал ответа очень долго. Когда письмо наконец пришло, оно не было подписано Чарльзом Дарком, молодым старшим редактором, которого в воскресных газетах называли спасителем пошатнувшейся репутации Готта. Письмо было от мисс Аманды Рьен, которая, пропуская Стивена в свой кабинет, сообщила, пискливо хихикнув, что ничего французского, кроме фамилии, в ней нет.

Стивен сидел, неудобно упираясь ногами в стол мисс Рьен, потому что комната, которую она занимала, служила когда-то чуланом. В ней не было окон. На стене вместо вставленных в рамку черно-белых фотографий мэтров начала века, сделавших имя Готту, висел портрет отнюдь не Ивлина Во, а лягушки в костюме-тройке, опирающейся на трость рядом с балюстрадой загородного дома. Остальное скудное пространство на стенах было утыкано рисунками с изображением по меньшей мере десятка плюшевых медвежат, пытающихся запустить пожарный насос, мышки в бикини, приставившей пистолет к виску, и хмурой вороны со стетоскопом на шее, которая щупала пульс у маленького мальчика с бледным лицом, по-видимому, только что свалившегося с дерева.

Мисс Рьен сидела в каком-нибудь метре от Стивена, изучая его взглядом собственника. Он неуверенно улыбался в ответ и опускал глаза. Неужели это его первое произведение, спросила она. Все в издательстве потрясены, совершенно потрясены. Стивен кивнул, подозревая, что стал жертвой какой-то страшной ошибки. Он слишком мало знал об издателях, чтобы говорить с ними откровенно, и больше всего на свете не хотел выглядеть глупо. Он приободрился, когда мисс Рьен сказала, что Чарльз уже знает о его приходе и умирает от желания познакомиться с ним. Через несколько минут дверь широко распахнулась, и Дарк, не заходя в комнату, нагнулся и принялся трясти Стивену руку. Он заговорил быстро и безо всякого вступления. Восхитительная книга, и, конечно, он хочет ее издать. Разумеется, хочет. Но вынужден бежать. Нью-Йорк и Франкфурт ждут его на проводе. Но они должны пообедать вместе. И не откладывая в долгий ящик. И примите мои поздравления. Дверь с треском

захлопнулась, и Стивен, обернувшись, увидел, что мисс Рьен ищет на его лице первые признаки подобострастия. Она заговорила торжественно, низким голосом. Великий человек. Великий человек и великий издатель. Стивену ничего не оставалось, как согласиться.

Он вернулся к себе в комнату взволнованный и оскорбленный. В качестве потенциального Джойса, Манна или Шекспира он, безо всякого сомнения, принадлежал европейской культурной традиции, взрослой ее части. Правда, он с самого начала заботился о том, чтобы быть понятным. Поэтому и писал на простом, ясном английском языке. Он хотел, чтобы его слог был доступен читателям, но все же не всем. После долгих размышлений Стивен решил ничего не предпринимать, пока снова не увидится с Дарком. Но тут по почте, добавив ему новых переживаний, пришли контракт и чек на две тысячи фунтов в качестве аванса, что соответствовало его двухлетнему заработку. Стивен навел справки и узнал, что это необыкновенная сумма для начинающего писателя. Теперь, когда роман был закончен, информационное агентство, в котором он работал, казалось ему невыносимо скучным местом. Восемь часов в день он вырезал сообщения из газет, ставил на них дату и подшивал в папку. От этого занятия на сотрудников агентства нападало тупое оцепенение. Стивену не терпелось написать заявление об уходе. Несколько раз он доставал ручку, чтобы поставить подпись на чеке и принять аванс, но уголком глаза видел иронически ухмылявшихся плюшевых медвежат, мышат и ворон, которые радостно принимали его в свою компанию.

И когда наконец пришло время надеть галстук, который он приобрел специально для этого случая, первый со времен окончания школы, и изложить мучившие его сомнения Дарку в сдержанной тишине ресторана, сидя за ужасно дорогими блюдами, которых Стивен никогда раньше не пробовал, то оказалось, что ничего так и не прояснилось. Дарк слушал, нетерпеливо кивая всякий раз, когда Стивен доходил до конца предложения. Прежде чем Стивен успел завершить свою речь, Дарк положил ложку, накрыл руку более молодого собеседника своей небольшой мягкой ладонью и ласково, словно обращаясь к ребенку, объяснил, что никакого различия между детской и взрослой литературой не существует. Все это абсолютная ерунда, простая условность. Иначе и быть не может, потому что все великие писатели обладали детской душой и простым видением жизни – пусть сколь угодно сложно выраженным, – благодаря которым взрослый гений был все равно что ребенок. И напротив – Стивен высвободил свою руку, – величайшие образцы так называемой детской литературы обращались одновременно и к детям и к взрослым, к будущему взрослому в ребенке, к забытому ребенку в каждом взрослом.

Дарк говорил с удовольствием. Обеды в знаменитых ресторанах с молодыми писателями, которых нужно было учить уму-разуму, составляли одну из самых привлекательных сторон его профессии. Стивен покончил с креветками в горшочке и откинулся назад, слушая и разглядывая Дарка. У того были рыжие волосы с неукротимым хохолком на темени, который Дарк имел привычку приглаживать ладонью, когда говорил. Стоило ему убрать руку, как упрямый пучок волос снова вставал торчком.

При всей своей житейской самоуверенности, при том, что он носил костюм темных тонов и рубашку ручной работы, Дарк был всего на шесть лет старше Стивена. Однако это были решающие шесть лет, по одну сторону которых лежало то уважение к зрелости, питаемое Дарком, которое заставляет человека с юношеским тщеславием стараться выглядеть вдвое старше своего возраста, а по другую – убеждение Стивена в том, что зрелость есть признак измены, робости, усталости, а юность, напротив, блаженное состояние, которое следует длить как можно дольше, пока позволяют общественные условности и биологические возможности. К моменту их первого совместного обеда Дарк был женат на Тельме уже семь лет. Их большой дом на Итон-сквер отличался респектабельностью. В гостиной висели холсты с написанными маслом морскими сражениями и сценами охоты, уже тогда входившие в моду. Кроме того, у них были чистые толстые полотенца в спальне для гостей и горничная, приходившая на четыре часа в день и не говорившая ни слова по-английски. Пока Стивен и его друзья проводили время в Кабуле и Гоа, забавляясь летающими дисками и трубками с гашишем, к услугам Чарльза и Тельмы были специальный служащий, парковавший их автомобиль, автоответчик, богатые вечеринки и книги в твердых переплетах. Они были взрослыми. Стивен жил в недорогой комнате и мог унести все свои пожитки в двух чемоданах. Его роман был в самый раз для детей.

Но дом на Итон-сквер – это было еще не все. Дарк уже успел приобрести и продать компанию звукозаписи. К тому времени, когда он окончил Кембридж, всем, кроме прожженных коммерсантов, было ясно, что популярная музыка – прерогатива молодых. Но коммерсанты не забыли о старой доброй Англии и своих родителях, прошедших Великую депрессию и сражавшихся в мировой войне. Им, пережившим эти кошмары, нужна была музыка приятная, полная тепла и мимолетной грусти. Дарк специализировался на легком репертуаре, популярной классике и «вечнозеленых» мелодиях, переложенных для струнных оркестров из двухсот исполнителей.

Брак его также был не по-современному удачным. Он выбрал жену на двенадцать лет старше себя. Тельма читала лекции по физике в Биркбеке, где незадолго до этого защитила основательную – насколько газетным сплетникам хватало ума понять – диссертацию о природе времени. Она не подходила на роль жены при юном миллионере – воротиле развлекательного бизнеса, который по возрасту, как утверждали злые языки, годился ей в сыновья. Тельма уговорила мужа основать клуб любителей книг, и благодаря успеху этого начинания Чарльз оказался в пыльных коридорах Готта, компания которого уже через два года впервые за последнюю четверть века начала получать прибыль. Дарк работал там четвертый год, когда они со Стивеном встретились за обедом, но прошло еще пять лет, в течение которых Дарк занял пост главы независимой телекомпании, а Стивен и сам достиг определенного успеха, прежде чем они стали близкими друзьями и Стивен, отказавшийся от своих претензий на молодость, стал частым гостем в доме на Итон-сквер.

Перемена блюд и небрежная дегустация различных сортов вин ни на минуту не прервали настойчивой, ласковой, самовлюбленной речи Дарка. Он говорил быстро, с напористой уверенностью, будто обращался к собранию скептически настроенных акционеров, словно боялся, что наступит тишина, которая заставит его вернуться к своим мыслям. Прошло немало времени, прежде чем Стивен понял всю глубину чувств, обуревавших Дарка в ту минуту. А пока это было похоже на заключение трудной сделки, во время которой издатель интуитивно – и не без успеха – стремился называть писателя по имени.

– Стивен, послушайте. Стивен, вы когда-нибудь пробовали рассказывать десятилетним детям посреди лета о Рождестве? С тем же успехом с ними можно говорить об их планах относительно пенсии. Для детей детство длится вечно. Они всегда живут в настоящем. Они знают только настоящее время. Конечно, у них есть свои воспоминания. Конечно, и для них время понемногу движется, и Рождество в конце концов наступает. Но они этого не ощущают. Все, что они чувствуют, это сегодняшний день, и, когда они говорят: «Вот когда я вырасту…» – в их голосе всегда слышится недоверие: как это они когда-нибудь станут другими, не похожими на тех, кто они сейчас? Вы говорите, что написали «Лимонад» не для детей, и я верю вам, Стивен. Как все хорошие авторы, вы написали его для себя. Вот что я хочу сказать. Вы обращались к самому себе, десятилетнему. Эта книга не для детей, она для одного-единственного ребенка, и этот ребенок – вы. «Лимонад» – это ваше послание тому, кем вы были раньше и кто никогда не переставал существовать. И у этого послания горький привкус. Вот почему эта книга так волнует. Когда дочь Мэнди Рьен читала ее, она рыдала, рыдала горькими слезами, Стивен, но эти слезы были ей полезны. С

другими детьми было то же самое. Вы писали, обращаясь прямо к ним. Хотели вы того или нет, но вы дотянулись до них через пропасть, отделяющую ребенка от взрослого, и дали им первый, призрачный намек на то, что они смертны. Читая вашу книгу, они расстаются с представлениями о том, что на всю жизнь останутся детьми. Им не просто кто-то сказал, они сами по-настоящему почувствовали, что ничто не длится вечно, не может длиться вечно, что рано или поздно их не станет, что детство не навсегда. Вы рассказали им нечто потрясающее и печальное о взрослых, о тех, кто перестал быть детьми. Кто живет в иссохшем, бессильном, скучном мире и принимает его за должное. Из вашей книги они понимают, что все это ждет и их, столь же неизбежное, как Рождество. Это печальная книга, но правдивая. Это книга для детей, которые смотрят на мир глазами взрослого.

Чарльз Дарк сделал хороший глоток вина, которое он с такой рассеянной проницательностью пробовал несколько минут назад. Он вскинул голову, наслаждаясь значением собственных слов. Затем, подняв бокал, он выпил его до дна и повторил:

– Печальная книга, но очень, очень правдивая.

Стивен настороженно взглянул на своего будущего издателя, в голосе которого ему почудился подвох. За исключением тех двух недель, которые послужили сюжетной основой для романа, детство Стивена, хоть оно и прошло в экзотических местах, отличалось приятным однообразием. Доведись ему сегодня отправить послание в собственное прошлое, это были бы скупые слова ободрения: все наладится мало-помалу. Но годятся ли эти слова для взрослых?

Дарк набил рот мясными деликатесами. Он махал вилкой в воздухе, описывая аккуратные маленькие круги, отчаянно пытаясь заговорить; наконец, после того как изо рта его вырвался прерывистый выдох, обдавший Стивена запахом чеснока и временно перебивший аромат лосося, это ему удалось:

– Ну разумеется. Но мир это не перевернет. Я продам три тысячи экземпляров, а вы получите несколько умеренных отзывов. А вот преподнесите это детям…

Дарк откинулся на спинку стула и поднял стакан.

Стивен покачал головой и тихо проговорил:

– Я этого не допущу. Я никогда этого не допущу.

Тернер Моберт нарисовал изящные иллюстрации тонкой акварелью. Через неделю после публикации известный детский психиатр, выступая по телевидению, взволнованно напал на книгу Стивена. Это не по силам ни одному ребенку, этот роман внесет путаницу в неокрепшие детские умы, заявил он. Другие эксперты защищали Стивена, несколько библиотекарей увеличили известность его книги, отказавшись включить ее в свои фонды. Месяц или два «Лимонад» служил темой для разговоров на вечеринках. Было продано четверть миллиона экземпляров в твердой обложке, а общий тираж, учитывая зарубежные издания, достиг нескольких миллионов. Стивен бросил работу в агентстве, купил спортивную машину, квартиру с высокими потолками в Южном Лондоне, похожую на пещеру, и уплатил такие налоги, что два года спустя просто вынужден был издать второй роман так же, как книгу для детей.

* * *

Впоследствии этот год работы в подкомитете будет казаться Стивену упорядоченным, вращающимся вокруг определенной оси. Однако в то лето он чувствовал, как мимо него течет время, лишенное смысла или цели. Его обычная неуверенность заметно возросла. Например, когда на второй день Олимпийских игр мир внезапно оказался на грани уничтожения и реальная угроза висела в воздухе в течение двенадцати часов, Стивен, растянувшись на диване в одном нижнем белье по случаю жары, не слишком переживал по поводу того, какой из двух возможных оборотов дела возьмет верх.

Два спринтера, русский и американец, дрожащие от возбуждения, похожие на гончих, толкнули друг друга, устраиваясь на стартовых колодках перед забегом, и между ними вспыхнула ссора. Американец ткнул соперника кулаком, тот ответил тем же и сильно повредил американцу глаз. Насилие и мысль о насилии тут же охватили окружающих и понеслись наверх по сложным каналам служебных инстанций. Сначала друзья по команде, а потом и тренеры попытались вмешаться, но быстро утратили самообладание и тоже полезли в драку. Немногочисленные русские и американские болельщики на трибунах принялись разыскивать друг друга. Последовала безобразная сцена, в которой фигурировала разбитая бутылка, и через несколько минут молодой американец – к несчастью, это был отпущенный в увольнение солдат – умер, истекая кровью. На беговой дорожке два высокопоставленных чиновника, руководившие русской

и американской делегациями, вцепились друг другу в отвороты спортивных курток; у одного из них был начисто оторван воротник. Какой-то русской женщине выстрелили в лицо из стартового пистолета, и второй за этот день глаз был потерян; око за око. На местах для прессы поднялись толкотня и ругань.

Через полчаса обе команды покинули Игры и одновременно устроили пресс-конференции, на которых обливали друг друга оскорблениями самого непристойного свойства. Очень скоро убийцу американского солдата арестовали и обвинили в связях с КГБ и в том, что он действовал по заданию военных кругов. Между посольствами двух стран произошел обмен жесткими нотами протеста. Недавно избранный американский президент, и сам похожий на спринтера, во что бы то ни стало хотел продемонстрировать, что он не слабак в международных делах, как часто заявляли его оппоненты, и ломал голову над тем, как поступить. Он еще размышлял, когда русские изумили весь мир, закрыв пограничный переезд у Хельмштедта.

В Соединенных Штатах этот шаг тут же объявили следствием нерешительности со стороны слишком уступчивого президента, который, однако, заставил критиков замолчать, отдав приказ ядерным силам своей страны о готовности номер один. Русские ответили тем же. Подводные лодки неслышно заняли предуказанные районы боевых позиций, люки стартовых шахт отворились, металл ракетных обшивок заблестел среди раскаленных солнцем кустарников в пригородах Оксфордшира и в березовых лесах Закарпатья. Газетные колонки и телевизионные экраны заполонили профессора – специалисты в области ядерного сдерживания, настойчиво объяснявшие, как важно успеть поднять ракеты в воздух, прежде чем они будут уничтожены на земле. В течение нескольких часов из супермаркетов Великобритании исчезли сахар, чай, консервированные бобы и мягкая туалетная бумага. Противостояние длилось полдня, пока неприсоединившиеся страны не выступили с предложением провести одновременное подконтрольное ослабление степени ядерной готовности обеих сторон. В конце концов жизнь пошла своим чередом, под цветистые тирады об олимпийском духе стометровка на солнцепеке все же состоялась, и весь мир вздохнул с облегчением, когда ее выиграл нейтральный швед.

Должно быть, жаркое лето, установившееся по странному капризу природы, или виски, которое Стивен пил с самого утра, заставили его почувствовать себя лучше, чем ему было на самом деле, но только Стивен честно не возражал, чтобы жизнь на земле продолжалась. Все происходящее сильно напоминало ему

финальную схватку двух команд за Кубок мира. Перипетии игры держали Стивена в напряжении, пока он следил за ними, но он не болел ни за одну из сторон, и ему было, в сущности, безразлично, как бы ни повернулось дело. Вселенная бесконечна, устало размышлял он, разумная жизнь в ней – редкость, но количество планет, готовых стать ее обиталищем, скорее всего, неисчислимо. Среди тех, кто наткнулся на возможность обратимости материи и энергии, несомненно, должно было быть немало таких, кто разнес себя вдребезги, и они, скорее всего, не заслуживали того, чтобы выжить. Этой дилеммы человечеству не решить, лениво думал Стивен, почесываясь через трусы, она коренится в самой сердцевине бытия, и ничего тут не поделаешь.

Подобным образом и другие события, которые имели к нему более непосредственное отношение (причем некоторые из них были весьма необычными или значительными), занимали Стивена лишь до тех пор, пока они происходили, но и тогда он смотрел на них как бы со стороны, словно они касались кого-то другого, и впоследствии почти о них не думал и уж точно не пытался установить между ними какую-то связь. Они были далеким фоном, на котором существовали вещи, занимавшие его всерьез: безвольное состояние непрерывного опьянения, нежелание встречаться с друзьями и приниматься за работу, неспособность сконцентрироваться при случайных разговорах, невозможность прочитать более двадцати строк подряд, после которых его сознание снова принималось бродить, где ему вздумается, фантазировать, вспоминать.

И когда Дарк подал в отставку – официально об этом было объявлено через два дня после того, как подкомитет Парментера приступил к работе, – Стивен отправился на Итон-сквер лишь после звонка Тельмы, попросившей его прийти. Чарльз и Тельма позвали его вовсе не потому, что он был старым другом и его тоже касались перемены в их жизни, и не потому, что считали, будто Стивен должен оказать им любезность. Сам он не знал или думал, что не знает, как реагировать на случившееся, но его друзья нуждались в свидетеле, которому можно было объяснить свой поступок, кто мог бы выступить в роли представителя внешнего мира. Несмотря на то что Стивен пошел не по собственному побуждению, позднее ему пришлось задаться вопросом относительно пределов собственной пассивности. В конце концов, у Дарков было много друзей, но, вероятно, именно Стивен подходил для того, чтобы присутствовать при значительном шаге, который собирался предпринять Чарльз.

* * *

Через два часа после звонка Тельмы Стивен отправился пешком из Стокуэлла на Итон-сквер через мост Челси. Теплый воздух раннего вечера мягко щекотал горло, и посетители пабов сидели со своим пивом прямо на тротуарах, загоревшие, шумные, явно беззаботные. Национальный характер размяк от продолжительной летней жары. На середине моста Стивен остановился, чтобы прочесть вечернюю газету. Об отставке Дарка писали на первой странице, хотя и не в заголовках. Обведенная рамкой заметка в нижнем углу сообщала о пошатнувшемся здоровье и тактично намекала на нервное расстройство. Реакция премьер-министра была, по словам газетчиков, «слегка раздраженной», поскольку Дарк подал прошение об отставке без предупреждения. На странице ежедневных новостей в короткой статье говорилось о том, что Дарк был слишком аполитичным, слишком снисходительным человеком, чтобы занимать высшие государственные посты. Его прошлые связи с книгоиздательским миром сильно повредили ему в глазах премьер-министра. Отставка Дарка, гласил вывод автора, станет событием только для его ближайших друзей. Заметив устремившихся к нему двух нищих, одетых, несмотря на жару, в длинные пальто, Стивен сложил газету и продолжил путь.

Как-то вечером много лет назад, когда они сидели за ужином в одном греческом ресторане, Дарк затеял игру в вопросы и ответы. Он объявил, что решил оставить высокий пост на телевидении, где достиг некоторых успехов, и податься в политику. Но к какой партии ему следует примкнуть? Чувствуя подъем, Дарк, сидевший рядом с Джулией, пил вино и поминутно отдавал команды официанту, заказывая за всех. Обсуждение получилось веселым и нарочито циничным, но содержало определенную долю здравого смысла. У Дарка не было никаких политических убеждений, он обладал лишь талантом управляющего и большим честолюбием. Он мог присоединиться к любой партии. Подруга Джулии, прилетевшая из Нью-Йорка, отнеслась к делу серьезно и стала настойчиво объяснять, что выбор необходимо делать между приверженностью традиционному опыту и стремлением к уникальности. Дарк развел руками и заявил, что готов отдать голос и за то, и за другое сразу. И за поддержку слабых, и за продвижение сильных. Самый главный вопрос заключается в том, – тут он сделал паузу, ожидая, чтобы кто-нибудь закончил начатую им фразу, – с кем из тех, кто подбирает кандидатов, вы знакомы. И сам Дарк рассмеялся громче остальных.

К тому моменту, когда им подали кофе по-турецки, было решено, что Дарк должен делать карьеру на стороне правых. Причины были очевидны. Правые находились у власти и, по всей вероятности, не собирались с ней расставаться.

Дарк, много лет занимавшийся бизнесом, знал немало нужных людей со связями в партийной машине. В то же время у левых процесс выдвижения кандидатов был утомительно демократичен и неразумно нацелен против тех, кто никогда не состоял в партии. «Все очень просто, Чарльз, – сказала Джулия, когда они выходили из ресторана. – Единственное, чем ты рискуешь, это на всю жизнь лишиться уважения своих друзей». И опять Дарк громогласно расхохотался.

Поначалу у него возникли трудности, но уже вскоре он выдвинулся кандидатом в сельском Саффолке, где умудрился отпугнуть от себя половину избирателей, поддерживавших его предшественника, беспечно брошенным замечанием по поводу местных свиней. Они с Тельмой продали загородный коттедж в Глостершире и купили домик на окраине их избирательного округа. Политика открыла новые черты в характере Дарка, которые в бытность его владельцем фирмы звукозаписи, книгоиздателем и управляющим директором на телевидении оставались в тени. Всего через несколько недель он сам появился на экране, демонстративно возмущаясь несчастным случаем, произошедшим в его округе: пенсионер, которому отключили электричество, умер от переохлаждения. Нарушив неписаное правило, Дарк, отвечавший на вопросы корреспондента, больше обращался не к нему, а к камере, причем успел дать беглый обзор последних правительственных успехов. Он говорил не закрывая рта. Две недели спустя он снова был в студии, уверенно опровергая очевидные вещи. Это произвело впечатление на друзей, помогавших ему делать первые шаги в политике. Его заметили в высших партийных кругах. В какой-то момент, когда правительство столкнулось с сопротивлением собственных заднескамеечников в парламенте, Дарк горячо отстаивал целесообразность принимаемых решений. С рассудительным и компетентным видом он выступал в защиту программ, нацеленных на то, чтобы поддержать богатых и предоставить бедным возможность самим позаботиться о себе. После длительных размышлений и дополнительных викторин за обеденным столом Дарк решил выступить против сторонников смертной казни на ежегодной конференции по проблемам уголовного наказания. Смысл заключался в том, чтобы продемонстрировать не только жесткость, но и заботу о преступниках, жесткость и заботу. Он прекрасно говорил об этом во время радиодискуссии о законности и порядке и трижды срывал умеренные взрывы аплодисментов у слушателей в студии. «Таймс» процитировала его выступление в передовице.

В течение следующих трех лет Дарк посещал званые вечера и значительно поднабрался знаний в наиболее перспективных, по его мнению, областях: образовании, транспорте, сельском хозяйстве. Он старался не сидеть без дела. Так, он совершил прыжок с парашютом на благотворительном мероприятии и

сломал голень. Все это зафиксировали телевизионные камеры. Дарк заседал в составе жюри, присуждавшего знаменитую литературную премию, и выступил с опрометчивыми выпадами в адрес его председателя. Ему доверили внести на рассмотрение местный законопроект, объявлявший преступниками водителей-мужчин, делающих попытку завязать знакомство на улице. Из-за недостатка времени на подготовку законопроект провалился, но о Дарке заговорили бульварные газеты. И все эти годы он ни на минуту не умолкал, многозначительно поднимая указательный палец, высказывая мнения, о которых никогда раньше не задумывался, демонстрируя возвышенно-пророческий стиль представителя своего времени: «Полагаю, что выражу всеобщее убеждение в том, что…», или «Никто не станет отрицать, что…», или «Правительство совершенно ясно дает понять, что…» и т. д.

Дарк написал заметку в «Таймс» с обзором первых двух лет действия закона о лицензировании бродяжничества и, сидя в восхитительной гостиной на Итон-сквер, прочитал ее вслух Стивену: «Благодаря этому закону удалось не только решить проблему социального балласта, но и переложить заботу о бедных на более бережливый, более здравый сектор общественной благотворительности, создав тем самым идеальную модель в миниатюре, на которую следует ориентироваться всей экономической политике правительства. Десятки миллионов фунтов сэкономлены на выплатах по социальному обеспечению, а множество мужчин, женщин и детей на своем опыте познали опасности и волнующие преимущества экономической самостоятельности, традиционной для делового мира нашей страны».

Стивен нисколько не сомневался в том, что рано или поздно его другу наскучит политика и он возьмется за что-нибудь еще. Сам Стивен с показной гримасой отвращения насмехался над оппортунизмом Чарльза.

– Если бы ты решил тогда примкнуть к другой стороне, – как-то сказал он Дарку, – то сейчас не менее страстно добивался бы национализации лондонского Сити, сокращения расходов на оборону и ликвидации частного образования.

Дарк хлопнул себя по лбу, притворяясь, что изумлен наивностью Стивена:

– Дурачина! Я же поддерживаю эту программу. Потому-то за меня и проголосовало большинство. Им не важно, что я думаю. Я получил мандат в обмен на определенные требования: более свободный Сити, больше оружия, хорошие частные школы.

– Но ведь на самом деле ты этого не хочешь.

– Конечно же, нет. Но я на службе!

И они рассмеялись, подняв стаканы с виски.

Но в сущности, под циничными насмешками Стивена скрывалось восхищение тем, как стремительно Чарльз делал свою карьеру. Стивен не был знаком с другими членами парламента, а Дарк уже получил некоторую известность в узких кругах и с видом посвященного небрежно рассказывал о пьяных дебошах и даже драках в баре палаты общин, о мелких нелепостях парламентского ритуала и небезупречном поведении членов кабинета. И когда наконец, после трех лет трудов в телевизионных студиях и на званых обедах, Дарк стал младшим министром, Стивен почувствовал искренний восторг. Стоило его старому другу занять высокий государственный пост, как деятельность правительства стала казаться Стивену почти что человеческим процессом, а сам он проникся уважением к земным благам. Теперь по утрам перед домом на Итон-сквер дежурил лимузин, пусть довольно маленький и обшарпанный, на котором министр ездил на службу, а в манеры Дарка вкрался налет усталой властности. Иногда Стивен думал, удалось ли Чарльзу окончательно усвоить мнения, которые он с такой легкостью выдавал за свои.

* * *

Двери Стивену открыла Тельма.

– Мы на кухне, – сказала она и повела его через холл, но на полдороге передумала и остановилась.

Стивен показал рукой на голые стены, на грязные серые прямоугольники, оставшиеся в тех местах, где висели картины.

– Да, рабочие уже начали выносить вещи. – Тельма увлекла его в гостиную и заговорила быстро и тихо: – Чарльз сейчас очень раним. Не задавай ему вопросов и не напоминай, что он виноват, бросив тебя с этим подкомитетом.

С тех пор как Дарк занялся политикой, Стивен стал видеться с Тельмой гораздо чаще. Он составлял ей компанию по вечерам и пытался немного разобраться в теоретической физике. Ей нравилось делать вид, будто у нее со Стивеном установились более тесные отношения, чем с мужем, будто между ними существует особое, тайное понимание. Это не было флиртом, скорее знаком доверия. Стивена это смущало, но сопротивляться он не мог. Он и теперь кивнул, радуясь, что может доставить ей удовольствие. Чарльз был ее трудным ребенком, и Тельма часто прибегала к помощи Стивена: один раз для того, чтобы не дать министру напиться накануне парламентских слушаний; другой – чтобы отвлечь его за обеденным столом от подтруниваний над ее молодой подругой-физиком, убежденной социалисткой.

– Расскажи мне, что случилось, – попросил Стивен, но она уже вернулась в гулкий холл и заговорила нарочито строгим тоном:

– Ты только что вылез из постели? У тебя ужасно бледный вид.

Она отмахнулась от его возражений, давая понять, что позже ему все равно придется сказать ей правду. Они продолжили свой путь через холл, спустились на несколько ступеней и миновали дверь, обитую зеленым сукном, которой Чарльз обзавелся вскоре после того, как получил пост в правительстве.

Экс-министр сидел за кухонным столом перед стаканом молока. Он встал и шагнул навстречу Стивену, вытирая испачканные усы тыльной стороной ладони. Он заговорил веселым, неожиданно мелодичным голосом:

– Стивен… Стивен, столько всего изменилось. Надеюсь, ты отнесешься с пониманием…

Впервые за очень долгое время Стивен видел своего друга без темного костюма, рубашки в полоску и шелкового галстука. В этот раз на нем были свободные вельветовые брюки и белая майка с короткими рукавами. Он казался стройнее и моложе; без умело скроенного пиджака плечи его выглядели более хрупкими, чем обычно. Тельма налила Стивену стакан вина, Чарльз указал на деревянный стул. Все трое сели, положив локти на стол. Наступило неловкое молчание, словно никто не решался заговорить о каком-то важном известии. Наконец Тельма сказала:

– Мы решили, что не будем рассказывать тебе сразу обо всем. Это вообще трудно объяснить, легче показать. Потерпи, рано или поздно ты сам все увидишь. Ты единственный человек, которому мы доверяем, так что…

Стивен кивнул. Чарльз спросил:

– Ты видел новости по телевизору?

– Я читал о тебе в газете.

– Они говорят, что у меня нервный срыв.

– Ну и?

Чарльз посмотрел на Тельму, которая произнесла:

– Мы хорошо подумали и приняли ряд решений. Чарльз оставляет политику, я увольняюсь с работы. Мы продаем дом и переезжаем в загородный коттедж.

Чарльз подошел к холодильнику и снова налил себе молока. Он не вернулся к своему стулу, а остался стоять за спиной у жены, одной рукой слегка касаясь ее плеча. Насколько Стивен знал, Тельма давно хотела бросить преподавание в университете и уехать куда-нибудь за город писать книгу. Но как ей удалось уговорить Чарльза? Она смотрела на Стивена, ожидая его реакции. Невозможно было не заметить едва уловимой триумфальной улыбки на губах у Тельмы и невозможно было сдержать обещание и не задавать вопросов.

Стивен обратился к Чарльзу:

– И что ты собираешься делать в Саффолке? Разводить свиней? – Он насмешливо улыбнулся.

Наступило молчание. Тельма похлопала мужа по руке и сказала, не оборачиваясь:

– Ты хотел пораньше лечь спать…

Чарльз уже потягивался. Еще не было и половины девятого. Стивен внимательно разглядывал друга, удивляясь тому, насколько миниатюрнее он стал выглядеть, насколько тоньше в плечах и в талии. Неужели высокий ранг делает человека крупнее?

– Да, – проговорил между тем Чарльз, – я иду наверх. – Он поцеловал жену в щеку и уже в дверях обронил, обернувшись к Стивену: – Мы действительно будем рады, если ты приедешь к нам в Саффолк. Ты сам все поймешь безо всяких объяснений.

Он вскинул руку в ироническом салюте и вышел.

Тельма налила Стивену еще вина и изобразила на лице улыбку. Она уже собиралась заговорить, но вдруг передумала и встала.

– Я сейчас вернусь, – сказала она, покидая кухню.

Он услышал, как она поднимается по лестнице и зовет Чарльза по имени, а затем открывает и закрывает дверь в спальню. После этого дом погрузился в тишину, если не считать мягкого баритонального гудения, издаваемого холодильником.

* * *

На следующий день после того, как Джулия уехала в Чилтернские округа, Тельма, невзирая на разыгравшуюся снежную бурю, появилась у Стивена, чтобы забрать его к себе. Пока он неловко топтался в спальне в поисках одежды и подходящей сумки, чтобы взять с собой вещи, Тельма прибралась на кухне, сложила мусор в пакет и отнесла его в мусорный бак. Обнаружив целую кипу нераспечатанных счетов, она сунула их в свою сумку. Затем она появилась в спальне и стала помогать Стивену собираться. Тельма действовала энергично, с материнской основательностью, обращаясь к нему с вопросом, только если это было необходимо. Взял ли он достаточно носков? Трусов? Будет ли ему тепло в этом свитере? Она отвела его в ванную и заставила сложить умывальные принадлежности. Где его зубная щетка? Он решил отрастить бороду? Если нет, то где его крем для бритья? Сам Стивен не мог думать обо всех этих вещах. Ему было все равно, будет ли ему тепло и что станется с его носками или зубами.

Лишь избавившись от необходимости размышлять над своими действиями благодаря простым командам Тельмы, он сумел справиться со сборами.

Он послушно спустился вместе с Тельмой к машине, подождал, пока она откроет ему дверцу рядом с водительским местом, и безвольно опустился на надушенное кожаное сиденье, в то время как она вернулась в квартиру, чтобы перекрыть воду и газ. Стивен, не отрываясь, смотрел на крупные снежинки, таявшие на ветровом стекле. Словно в какой-то мелодраме по роману Диккенса перед ним всплыл образ его трехлетней дочери, которая сквозь холод и снег бредет домой, чтобы найти двери запертыми, а жилище опустевшим. Может, нужно оставить записку, спросил он у Тельмы, когда она снова вернулась к машине. Ни словом не упомянув о том, что Кейт не умеет читать и никогда не вернется сама, Тельма еще раз поднялась и приколола свой адрес и домашний телефон к его входной двери.

Несколько недель, не оставивших следа в его памяти, Стивен провел в комнате для гостей в доме у Дарков, в безмятежной тишине среди ковров, мрамора и красного дерева. Он переживал хаос эмоций, окруженный безупречным порядком из полотенец с вышитыми монограммами, флакончиков с ароматическими смесями на навощенных поверхностях без единой пылинки, выстиранных простыней с запахом лаванды. Впоследствии, когда он немного пришел в себя, Тельма стала сидеть с ним по вечерам, рассказывая истории про Шрёдингера и его кота, про время, текущее вспять, про то, что Бог был правшой, и про другие квантовые чудеса.

Тельма принадлежала к почтенной плеяде женщин физиков-теоретиков, хотя и утверждала, что за всю жизнь не совершила ни одного открытия, даже самого незначительного. Ее призванием было размышлять и преподавать. Открытия, говорила она, стали предметом ожесточенной конкуренции среди ученых, к тому же они были уделом молодых. Между тем в двадцатом веке произошла подлинная научная революция, но еще никто, даже сами ученые, не обдумал ее как следует. Холодными вечерами той неутешительной весны Тельма и Стивен сидели у камина, и она рассказывала ему о том, как квантовая механика сделала физику и весь комплекс естественных наук более открытыми для женщин, более гибкими, не такими высокомерно оторванными от жизни, как раньше, более чуткими к нуждам мира, который они стремились описать. У нее были свои излюбленные темы, заготовленные отступления, которые она каждый раз развивала заново. О наслаждении одиночеством и связанных с ним опасностях, о невежестве тех, кто называет себя художниками, о том, что информированное

сомнение должно стать неотъемлемой частью интеллектуального багажа ученых. Тельма относилась к науке как к собственному ребенку (другим ее ребенком был Чарльз), с которым она связывала большие и горячие надежды, мечтая о том, чтобы манеры его стали более светскими, а характер – более мягким. Этот ребенок уже подрос и теперь учился требовать к себе меньше внимания. Период безудержного детского эгоизма, длившийся четыреста лет, был близок к завершению.

Шаг за шагом, пользуясь метафорами вместо математики, Тельма вела Стивена к знакомству с фундаментальными парадоксами, известными, по ее словам, студентам-первокурсникам: что в лабораторных условиях можно продемонстрировать, как нечто может быть одновременно и волной, и частицей; что частицы обнаруживают что-то вроде «знания» друг о друге и способность – по крайней мере в теории – в одно мгновение обмениваться этим знанием на любом расстоянии; что пространство и время оказываются не различными категориями, но аспектами друг друга, равно как материя и энергия, или материя и занимаемое ею пространство, или движение и время; что материя состоит не из мельчайших твердых частиц, но больше напоминает структурированное движение; что чем больше ты знаешь о чем-либо в деталях, тем меньше ты понимаешь его в целом. Благодаря длительному опыту преподавания Тельма приобрела ряд полезных педагогических навыков. Она регулярно останавливалась, чтобы убедиться, что Стивен следит за ее словами. Пускаясь в объяснения, она не сводила взгляда с его лица, добиваясь от него полной концентрации. В конце концов она обнаруживала, что Стивен не только ничего не понял, но и вообще не слушал ее, в течение пятнадцати минут витая в своих мыслях. Это давало ей повод сделать очередное отступление. Тельма потирала лоб пальцами. В представлении, которое она разыгрывала, наступало новое действие.

– Ты безмозглый поросенок! – начинала она, пока Стивен изображал на лице искреннее раскаяние. Возможно, в эти мгновения они были особенно близки. – Научная революция, нет, интеллектуальная революция, эмоциональный взрыв – какая потрясающая история открывается перед нами, а ты и тебе подобные не способны сосредоточиться на ней ни на минуту. Когда-то люди думали, что мир держится на слонах. Детский лепет! Реальность, что бы ни называли этим словом, оказывается в тысячу раз более странной. Возьми кого хочешь: Лютер, Коперник, Дарвин, Маркс, Фрейд – ни один из них не перевернул представления о мире и о нашем месте в нем так радикально и таким необычным образом, как современные физики. Единицы измерения нашего мира больше не являются абсолютными. Теперь они должны измерять и самих себя. Материя, время,

пространство, силы – все это красивые и запутанные иллюзии, о которых отныне мы должны тайно договариваться между собой. Какой колоссальный переворот, Стивен. Шекспир понял бы волновые функции, Донн оценил бы принцип комплементарности и относительность времени. Они были бы потрясены. Вот это богатство! Новая наука стала бы для них кладезем поэтических образов. А заодно они просветили бы и своих читателей. Но вы, так называемые люди искусства, вы не просто не разбираетесь во всех этих удивительных вещах, но еще и гордитесь своим невежеством. Насколько я понимаю, вы думаете, будто какая-нибудь мелкая, преходящая мода вроде модернизма – подумать только, модернизм! – и есть интеллектуальное достижение нашего времени. Душераздирающее зрелище! Ну, прекрати ухмыляться и налей мне выпить.

* * *

Через десять минут Тельма появилась в проеме кухонной двери и сказала, чтобы он шел за ней в гостиную. Два огромных мягких дивана стояли друг против друга, разделенные низким выщербленным столом с мраморной крышкой. Руками Тельмы или горничной на нем были приготовлены запечатанная бутылка и кофейные чашки. И здесь морские сражения сменились серыми прямоугольными пятнами на стенах. Проследив за взглядом Стивена, Тельма сказала:

– Картины и украшения поедут отдельно. Так хочет страховая компания.

Они сидели бок о бок, как бывало раньше, когда Чарльз допоздна задерживался в министерстве или в палате общин. Тельма никогда не относилась к политической карьере мужа всерьез. Из безмятежного далека она терпеливо взирала на возню в парламенте, пока Чарльз набирал вес и укреплял свои позиции. Когда он получил пост в правительстве, Тельма снова заговорила о своем желании бросить работу, засесть за книгу, превратить загородный коттедж в настоящий дом. Но как ей удалось уговорить Чарльза выйти в отставку именно сейчас, когда он стал непременной деталью государственной жизни, когда обозреватель «Таймс» в скобках назвал его «материалом, из которого делаются премьер-министры»? К какой женской квантовой магии она прибегла?

Тельма сбросила туфли с беззаботностью девчонки и поджала под себя стройные ноги. Ей был почти шестьдесят один год. Она продолжала

выщипывать брови. Высокие скулы придавали ей оживленный, полный бодрости вид, благодаря чему Стивену казалось, что она похожа на высокоинтеллектуальную белку. Интеллект светился у Тельмы на лице, и строгость ее манер всегда была шутливой, самоироничной. Ее волосы с сильной проседью были зачесаны назад, и всклокоченный пучок – положенный по этикету, говорила она, женщинам-физикам – был скреплен старинной заколкой.

Тельма поправила несколько выбившихся прядей волос, безо всякого сомнения собираясь с мыслями на свой методичный манер. Окна были широко открыты, и через них долетал отдаленный бесплотный шум уличного движения, прерываемый трелями и завыванием полицейских сирен.

– Скажем так, – начала она наконец, – как это ни покажется странным, но у Чарльза есть своя внутренняя жизнь. Даже больше, чем просто жизнь, – внутреннее наваждение, совершенно иной мир. Тебе придется поверить мне на слово. Чарльз, наверное, станет отрицать его существование, но этот мир здесь, он поглощает его силы, он сделал Чарльза таким, каким мы его знаем. Внутренние желания Чарльза – если это правильное слово, – потребности Чарльза совершенно не соответствуют тому, чем он занимается, то есть занимался раньше. Это противоречие заставляло его так неистово, так нетерпеливо добиваться успеха. Нынешний шаг, по крайней мере, если говорить о Чарльзе, вызван желанием покончить со всеми противоречиями. – Тельма торопливо улыбнулась. – Затем есть еще и мои потребности, но это уже другое дело, и ты все об этом знаешь.

Она откинулась назад, очевидно удовлетворенная тем, что теперь все стало ясно.

Стивен подождал с полминуты.

– Что же это за внутренняя жизнь?

Тельма покачала головой.

– Прости, если я говорю непонятно. Лучше приезжай к нам, когда мы будем в Саффолке. Сам увидишь. Мне не хочется забегать вперед.

Она рассказала о своем увольнении из университета и о том, с каким удовольствием думает о работе над книгой. В ней Тельма собиралась обработать все свои многочисленные отступления. Перед Стивеном возникла картина их жизни в Саффолке: Тельма наверху в своем рабочем кабинете со скрипучими половицами, за письменным столом, где солнце отражается от разложенных бумаг, а через решетчатое окно виден Чарльз, который, закатав рукава, лениво возится с садовой тачкой. Где-то за оградой сада звонят телефоны, министры в лимузинах спешат через город на важные ланчи. Чарльз, стоя на коленях, терпеливо приминает землю у основания хилого саженца.

Позже Тельма принесла поднос с холодной едой. Пока они ели, Стивен рассказывал о заседаниях подкомитета, стараясь выставить их в более забавном свете, чем они были на самом деле. Разговор не клеился и вскоре сполз на обсуждение общих друзей. К концу вечера в поведении Тельмы стала заметна неловкость, словно она боялась, что Стивен будет жалеть о зря потраченном времени. Она не имела представления о том, как обычно проходят его вечера.

Так как Стивен в последний раз был у Дарков, прежде чем они должны были расстаться с этим домом, он принял приглашение Тельмы остаться на ночь. Еще не было полуночи, когда он, присев на край кровати, чтобы снять ботинки, увидел перед собой знакомые обои с васильковым рисунком. Стивен смотрел на вещи в этой комнате как на свою собственность. Он провел много времени, разглядывая их: голубую глазированную вазу с измельченными цветочными лепестками на дубовом комоде с медными ручками, миниатюрный бюст Данте ручной работы, накрытый крышкой стеклянный стакан для запонок. Три или четыре коматозные недели эти стены были местом его заточения. Теперь, избавившись от носков и подойдя к окну, чтобы открыть его пошире, Стивен ждал, что на него нахлынут худшие из воспоминаний. Остаться здесь было ошибкой. Неумолчный городской рокот за окном не мог разогнать гнетущей тишины, которую источали глубокий ковровый ворс, махровые полотенца на деревянной стойке, гранитные складки бархатных занавесей. Все еще не снимая одежды, Стивен бросился на постель. Он приготовился увидеть картины прошлого, которые можно было отогнать, только сильно тряхнув головой.

Однако вместо дочери, показывающей ему, как она умеет кувыркаться, Стивену вспомнились родители, какими он видел их, когда приезжал к ним в последний раз. Мать стояла возле кухонной раковины, ее руки были обтянуты резиновыми перчатками. Отец находился рядом с чистым стаканом для пива в одной руке и посудным полотенцем в другой. Они обернулись, увидев его в дверях. Матери

было неудобно – она не хотела, чтобы мыльная пена капала на пол, и держала руки над раковиной. Ничего особенного не произошло. Стивену показалось, что отец вот-вот заговорит. Мать неловко повернула голову и, склонив ее набок, приготовилась слушать. Такая же привычка наклонять голову была и у Стивена. Он смотрел на их лица, на которых морщины подчеркивали выражение нежности и тревоги. Закаленная годами, сущность их души оставалась неизменной, в то время как тела сморщивались и увядали. Стивен ощутил неумолимый ход убывающего времени, груз неоконченных дел. Он столько не обсудил с родителями, полагая, что для этого еще найдется время.

Например, у него сохранилось одно небольшое воспоминание, обстоятельства которого могли прояснить только они. Он сидел на багажнике велосипеда. Перед ним находилась массивная спина отца, складки и морщины его белой рубахи колыхались в такт движению педалей. Слева на другом велосипеде ехала мать. Они катили по бетонному покрытию дороги, время от времени наезжая на тонкие гудроновые ленты, разделявшие встречные полосы. Доехав до огромной насыпи из гальки, они слезли с велосипедов. По ту сторону насыпи находилось море, Стивен слышал, как оно ревет и грохочет, пока они взбирались по крутому склону. Он не помнил самого моря, в памяти осталось лишь боязливое ожидание, не отпускавшее его, пока отец за руку тащил его наверх. Но как давно это было и где? Они никогда не жили рядом с этим морем и не проводили отпуск на таком побережье. И у родителей никогда не было велосипедов.

Во время последнего его приезда разговор шел по привычному кругу, и трудно было разорвать его расспросами о полузабытых, но важных подробностях. У матери было что-то с глазами, по ночам ее мучили боли. У отца барахлило сердце и случались приступы аритмии. Помимо этого, накапливались и другие, менее серьезные недомогания. Родители Стивена время от времени болели гриппом, о котором он слышал уже после того, как очередное обострение сходило на нет. Здоровье их стремительно ухудшалось. В любой момент Стивена могла настичь телеграмма, приковать к месту телефонный звонок, и он останется один на один с чувством разочарования и вины за так и не начатый разговор.

Необходимо вырасти и, возможно, завести собственных детей, чтобы до конца понять, что твои родители жили полной и сложной жизнью еще до того, как ты появился на свет. Стивен знал лишь общие контуры и мелкие детали тех далеких историй: мать за прилавком универсального магазина, ее хвалят за то,

как аккуратно повязан бант у нее на спине; отец шагает через разрушенный немецкий город или бежит по бетонированной площадке аэродрома, чтобы вручить официальное извещение о конце войны командиру эскадрильи. Но, несмотря на то что некоторые из этих историй начинали касаться его лично, Стивен практически ничего не знал о том, как познакомились его родители, что привлекло их друг в друге, как они решили пожениться и как сам он появился на свет. Так трудно прервать обыденное течение дней и задать ненужный, но такой важный вопрос или осознать, что при всей очевидной близости даже родители остаются чужими для собственных детей.

Ради своей любви к ним он не должен позволить, чтобы их жизнь ускользнула в небытие, пропала в забвении. Он готов был встать с постели, выбраться на цыпочках из дома Дарков и, поймав такси, пуститься в длительную поездку через ночь к дому родителей, явиться к ним, зажав свои вопросы в кулаке, и призвать к ответу варварскую забывчивость времени. Да, он решительно готов, вот он уже достает ручку, он оставит Тельме записку и тут же уйдет, он уже тянется за носками и ботинками. Единственное, что еще удерживает его, это необходимость закрыть глаза и отдаться течению других мыслей.

Глава III

Впрочем, есть все основания полагать, что чем больше отец проявляет ежедневной заботы о маленьком ребенке, тем ниже падает его авторитет в глазах малыша. Ребенок, испытавший на себе отцовскую любовь, в которой должным образом сочетаются привязанность и отчуждение, эмоционально лучше других подготовлен к разлукам – неизбежным спутникам взрослой жизни.

Официальное руководство по детскому воспитанию (Управление по изданию официальных документов, Великобритания)

В одно июньское утро, предварительно обменявшись с женой ничего не значившими открытками, Стивен отправился навестить ее. Они с Джулией не виделись несколько месяцев. После того как она вернулась из своего пансиона, вернее, монастыря, где миряне, желавшие уединения и тишины, могли получить комнаты внаем, их совместная жизнь в квартире продолжалась всего несколько недель, в течение которых она подыскала и купила себе новое жилье. Небо,

впервые с самого апреля, затянули облака. В том, что повсюду стояла прохладная тень, была прелесть новизны, словно хороший вкус вновь вступал в свои права. Джулия снабдила Стивена наспех набросанными указаниями, чтобы он не сбился с пути. Не желая глубоко вдаваться в мотивы своей поездки, Стивен вместо этого сосредоточился на самом путешествии, приятная сторона которого заключалась в том, как целеустремленно и последовательно грохот центрального Лондона сужался до тишины вокруг одинокого коттеджа в сосновой роще, расположенной почти в тридцати милях от города. С каждой новой пересадкой рядом оставалось все меньше людей. Сначала переполненный вагон метро доставил Стивена на вокзал Виктории. Затем громыхающий поезд повлек его через широкое белое небо реки. Стивен прошел вдоль состава в поисках самого уединенного купе. Невыносимое меньшинство рода человеческого рассматривает путешествия, даже самые короткие, как возможность для приятных знакомств. Есть люди, готовые навязывать частные подробности своей жизни первому встречному. Таких пассажиров следует избегать, если вы принадлежите к большинству, которому путешествие дает возможность помолчать, поразмышлять, погрезить. Для этого нужно немного: незагороженный вид на меняющийся ландшафт за окном, пусть сколь угодно унылый, и отсутствие запахов, телесного тепла, бутербродов и конечностей других попутчиков.

Стивен разыскал пустое купе в первом классе и плотно прикрыл за собой дверь. Поезд двигался из прошлого в настоящее. Они ехали вдоль стоящих в ряд домов в викторианском стиле, отгородившихся от железной дороги садами, разбитыми на задних дворах, и пристройками, через открытые двери которых можно было мельком заглянуть на кухню; мимо эдвардианских и предвоенных построек, объединенных общими стенами; а затем стали пробираться через пригороды, сначала на юг, потом на восток, мимо островков крохотных новых домиков, перемежаемых грязными, замусоленными клочками сельской природы. Достигнув развилки, поезд сбавил скорость и, вздрогнув, остановился. Во внезапной, выжидательной тишине, повисшей над железнодорожными путями, Стивен вдруг ощутил, как ему не терпится скорее приехать. Они стояли перед новым жилым участком из дешевых, грубо сколоченных приземистых домов. На участке еще работали самосвалы. Садики перед домами были изрыты следами колес. На задних дворах белые пеленки трепетали на металлических древовидных сушках в знак капитуляции перед новой жизнью. Под ними двое маленьких ребятишек, еще неуверенно стоявшие на ногах, взявшись за руки, махали поезду.

Незадолго до остановки, на которой Стивену пора было выходить, пошел дождь. Его станция, точнее простой полустанок, пряталась в длинном туннеле из крапивы. Несмотря на дождь, Стивен остановился на пешеходном мостике, глядя вслед испещренной темными точками крыше своего поезда, уползающего сквозь хрупкую авансцену сигнальных огней, чтобы затем, устремившись в перспективу и громыхая на стыках, медленно исчезнуть за поворотом. После этого в воздухе повисла бархатная, деревенская тишина, на фоне которой все прочие мелкие звуки казались филигранно выточенными и отшлифованными: быстрые удаляющиеся шаги другого пассажира, сложные птичьи рулады и более незамысловатое насвистывание человека. Стивен продолжал стоять на мостике, ощущая детское – или мальчишеское – удовольствие от вида полированных перил, уходивших в тишину по обе стороны от него. Однажды, когда он был ребенком, они с отцом стояли на более высоком мосту, ожидая, когда внизу под ними пройдет поезд. Стивен разглядывал убегающие линии рельсов и спросил, почему вдалеке они все ближе сходятся между собой. Отец посмотрел на него сверху вниз, иронически-серьезно сузив глаза, а затем прищурился вдаль, туда, где соединялись вместе вопрос и ответ. Он, казалось, как всегда сохранял выправку по стойке «смирно». Отец держал Стивена за руку, их пальцы были переплетены. Пальцы отца были короткими и грубыми, со спутанными черными волосами на костяшках. Часто, играя, он как ножницами зажимал пальцы Стивена своими, пока тот не начинал пританцовывать от боли и восторга перед такой непреодолимой силой. Отец, глядя на горизонт, объяснил, что поезда, убегая вдаль, делаются все меньше и меньше и рельсам приходится делать то же самое, чтобы ширина колеи соответствовала размеру колес. Иначе, сказал отец, поезд сойдет с рельс. Вскоре после этого мост качнулся от промчавшегося внизу экспресса. Стивен изумлялся замысловатым взаимоотношениям вещей, разумности неодушевленной природы, тайной симметрии всего сущего, вынуждавшей ширину железнодорожной колеи точно совпадать с размерами уменьшавшегося поезда: как бы быстро тот ни ехал, рельсы всегда были наготове.

Миновав станцию, Стивен остановился и стал читать присланные Джулией указания. Дождь превратился в тонкий туман, и ее почерк казался размазанным, почти неразборчивым. Стивен направился по дороге, которая убегала из деревни и по которой, по словам Джулии, когда-то ходил автобус. Он миновал торговый центр с его переполненной десятиакровой автомобильной стоянкой и пересек шоссе по изящно изогнувшемуся бетонному мостику. Еще через полмили он свернул на пешеходную дорожку, которая прямой линией прорезала лесной участок. Теперь, когда Стивен оказался посреди настоящей природы, под открытым небом, он почувствовал себя беззаботно. По обеим сторонам от него

росли шеренги хвойных деревьев, между которыми вспыхивали ровные просеки, когда один ряд сменялся другим, – приятный эффект, создававший иллюзию быстрого передвижения. Это был геометрический лес, не обремененный зарослями кустарников или пением птиц. Дорожка ярко белела после дождя. Ее простая прямизна радовала Стивена, ему хотелось бежать. Пройдя полмили в глубь леса, он увидел расчищенный участок, огороженный высоким забором из колючей проволоки, за которым кивал головой осел. Серое животное апатично поднимало тупую тяжелую голову, издавая равномерное урчание. Затем Стивен увидел другие загоны, расположенные на равных расстояниях друг от друга вдоль дороги. Рядом с одним из них стоял нефтевоз, заправлявшийся из резервуара. Водитель сидел в кабине, задрав ноги на приборную доску, пил пиво из жестяной банки и читал газету. Увидев Стивена, он поднял руку и улыбнулся, и это еще больше подняло Стивену настроение. Он уже и забыл, как приветливы люди за городом.

Как Джулия и обещала, после получаса ходьбы дорожка кончилась. Сосновый лес резко оборвался, уступив место бесконечным просторам пшеничных полей. Стивен передохнул возле ворот, состоявших из пяти алюминиевых перекладин. Единственным указанием на то, что желтое поле, похожее на пустыню, было не бесконечным, служила черта на горизонте, обозначавшая начало нового лесного участка. А может, это был мираж. Пшеничную равнину аккуратно перерезала подъездная дорога, служившая продолжением пешеходной тропы и почти такая же прямая. Отдохнув, Стивен пошел дальше. Через несколько минут новый ландшафт стал ему нравиться. Он шел через пустыню. Ощущение, что он продвигается вперед, пропало, а вместе с ним и ощущение времени. Деревья на дальней стороне поля не приближались. Это был навязчивый пейзаж – он наводил только на мысли о пшенице. Стивена охватило приятное состояние покоя, он почувствовал, что ему некуда и незачем спешить.

* * *

Джулия вернулась из своего монастыря в Чилтернских округах, проведя там шесть недель. Стивен покинул дом на Итон-сквер, подгадав так, чтобы возвратиться в квартиру одновременно с ней. Они осторожно поздоровались друг с другом. Тень старой, легкой привязанности возникла между ними. Они стояли бок о бок в центре гостиной, едва касаясь друг друга пальцами рук. Как быстро умирает дом, за которым перестают следить, и как неуловимо. Дело не в пыли, не в затхлом воздухе, не в преждевременно пожелтевших газетах и не в завядших комнатных растениях. Они говорили об этом, сметая пыль, растворяя

окна и собирая ненужные вещи в мусорный бак. Стивен не исключал, что на самом деле они говорят о своем браке. Следующую неделю или две они настороженно кружили друг возле друга, иногда сохраняя подчеркнутую вежливость, иногда обнаруживая искреннюю нежность, а один раз даже вместе легли в постель. Какое-то время казалось, что они вот-вот заговорят о вещах, которых до этого изо всех сил старались избегать.

Но все могло пойти по-другому, и именно так и случилось. Как говорил себе Стивен, дело было в отсутствии влечения. Они больше не ждали друг от друга ни поддержки, ни совета. После перенесенной утраты их жизненные пути разошлись. У них не осталось больше ничего общего. Джулия похудела и коротко подстригла волосы. Теперь она читала мистические или священные тексты – святого Хуана де ла Крус, поэмы Блейка, Лао-цзы. Поля пестрели ее карандашными пометками. Каждый день Джулия по несколько часов работала над партитой Баха. Резкий скрежет сразу двух прижатых пальцами струн, спиральный взлет безумных шестнадцатых не давали ему приблизиться. Со своей стороны, Стивен делал первые шаги на поприще серьезного пьянства и предавался чтению любимых книг своего отрочества, повествующих о свободных одиноких мужчинах, не занятых другими проблемами, кроме мировых. Хемингуэй, Чандлер, Керуак. Он забавлялся мыслью о том, как хорошо было бы собрать дорожный чемодан, сесть в такси, приехать в аэропорт и выбрать пункт назначения, где можно будет предаваться меланхолии в течение нескольких месяцев.

Совместное проживание усиливало чувство потери. Каждый раз, когда Стивен и Джулия садились за стол, отсутствие Кейт становилось особенно ощутимым, о нем нельзя было ни забыть, ни напомнить. Они не были способны к взаимному утешению и поэтому не чувствовали взаимного влечения. Их единственная попытка близости была обыденной, притворной и произвела угнетающее впечатление на обоих. Когда все кончилось, Джулия накинула халат и вышла на кухню. Стивен услышал, как она плачет, и знал, что не может пойти к ней. Да она и не приняла бы его утешений. Так продолжалось пять недель. Единственный за это время серьезный разговор между ними состоялся лишь однажды, ближе к концу, когда они стали подумывать о том, чтобы расстаться; речь шла, разумеется, не о разводе, не о разделе имущества, но о возможности просто «пожить порознь». И тогда к ним пришел агент по недвижимости, чтобы оценить стоимость квартиры. Это был крупный мужчина с добродушными, отеческими манерами, который отпускал дельные замечания, замеряя комнаты и записывая их особенности.

Стивен и Джулия упросили, умолили его остаться и выпить чаю. Пока он заканчивал вторую чашку, они рассказали ему о Кейт, супермаркете, полиции, монастыре, о том, как трудно им теперь, когда они вернулись домой. Мужчина сидел, поставив локти на кухонный стол, подперев голову ладонями. Во время рассказа он серьезно кивал. Услышанное подтверждало основательность его обычных опасений. Когда они договорили, он вытер губы платком. Затем, перегнувшись через стол, взял их за руки. Его пожатие было сильным, ладони сухими и горячими. Помолчав, он сказал, что им не в чем друг друга винить. На минуту они почувствовали радостный подъем, облегчение.

Но эта минута прошла. Агент по недвижимости сделал для них больше, чем они сами могли сделать друг для друга. Что это значило? Позже они узнали, что этот человек раньше служил священником, но потерял веру. Квартира была оценена, и Стивен выдал Джулии чек на две трети суммы. Она нашла себе загородный дом и переехала, забрав с собой скрипки, их общую кровать и кое-какие мелочи. Устроившись, Джулия решила не проводить телефон. Время от времени они со Стивеном обменивались открытками да пару раз встретились в одном из ресторанов в центре Лондона, чтобы убедиться, что им не о чем говорить. Если они еще и любили друг друга, их любовь хоронилась вне пределов их досягаемости.

Дождь приближался, пересекая огромную равнину прозрачными колоннами тумана. Следующие двадцать минут дорога незаметно шла под уклон, пока деревья вдалеке вдруг не пропали из виду и Стивен не оказался окруженным пшеницей. Подозрительность и беспокойство – вот что заставляло его идти через эту пропитанную влагой долину, в то время как по телевизору показывали мужской забег на десять тысяч метров. Вдруг Джулия решила перестроить свой внутренний мир и целенаправленно прививает себе новые взгляды на жизнь и на свое место в ней? Возможно, она подолгу бродила здесь среди симметрично растущих сосен, перетряхивая свое прошлое, их прошлое, перебирая былые ценности, готовясь к новому будущему; возможно, прогулочные ботинки, которые он когда-то подарил ей на день рождения, тяжело ступали вот по этой прямой бетонной дороге. Прежде чем он сумеет докопаться до собственных чувств, Джулия вдали от него может превратиться в совершенно незнакомого человека, с которым ему не о чем будет говорить. Стивену не хотелось оставаться в стороне, не хотелось выпадать из ее жизни. Джулия могла запутаться, предаться смятению, но она усвоила непоколебимо практичную привычку воспринимать и описывать периоды душевной смуты как этапы своего эмоционального или духовного развития. Прежде незыблемые понятия начинали казаться ей не столько ненужными, сколько ограниченными, подобно тому как

все научные революции, по словам Тельмы, не отбрасывали, но перестраивали весь запас предыдущих знаний. То, что часто казалось Стивену противоречивостью ее характера: «В прошлом году ты говорила совсем по-другому!» – с ее точки зрения, было движением вперед: «Потому что в прошлом году я еще не понимала!» Джулия не просто отдавалась течению своей внутренней жизни, она руководила ею, направляла ее, будущее было просчитано и размечено, как маршрут на карте. Ход постижения новых истин, по ее мнению, нельзя было бросать на волю слепого случая, ставить в зависимость от нечаянных происшествий. Нет, Джулия не отрицала роль судьбы. Трудолюбие и чувство ответственности, полагала она, даны человеку для того, чтобы исполнить собственное предназначение.

Эта вера в бесконечную изменчивость, в то, что человек может переделать себя, научившись понимать больше или изменив взгляды на жизнь, казалась Стивену проявлением женского начала ее натуры. Если раньше он думал или полагал, что должен думать, будто мужчины и женщины, несмотря на все видимые физиологические различия, в сущности, одинаковы, то теперь подозревал, что одним из многих их отличительных признаков является именно отношение к переменам. Достигнув определенного возраста, мужчины застывают в неподвижности, склоняются к убеждению, что даже превратности их судьбы неотделимы от них самих. Они есть то, чем сами себя считают. Что бы они там ни говорили, мужчины верят в то, что делают, и крепко держатся этой веры. В этом их сила и их слабость. Поднимаются ли они из траншей, чтобы тысячами пасть под смертоносным огнем, сами ли стреляют по врагу, ставят ли точку в только что написанной симфонии, мужчине редко придет в голову – точнее, редкому мужчине придет в голову, – что он мог бы заняться чем-то другим.

Для женщины эта мысль – обычная логическая предпосылка. Она служит источником непрестанных терзаний или утешений, причем независимо от реальных успехов, которых женщина добивается в собственных глазах или в глазах окружающих. И в этом есть своя слабость и своя сила. Материнские заботы мешают профессиональному росту. Борьба за карьеру наравне с мужчинами подрывает материнский инстинкт. Погоня за тем и другим слишком утомительна и потому грозит двойной неудачей. Не так-то просто проявлять упорство, если не отождествляешь себя со своим делом, если думаешь, что смог бы обрести себя – или другую часть себя – в чем-то другом. Поэтому женщины не слишком интересуются работой и служебным ростом, мундиром и знаками отличия. Вере мужчин в институты, созданные мужчинами, женщины противопоставляют иное понимание самоценности; быть для них важнее, чем действовать. С давних пор мужчины усмотрели в этом признак непокорства.

Женщины огородили пространство, вход в которое мужчинам был заказан. И мужчины затаили враждебность.

* * *

Наконец Стивен достиг сосен на дальнем краю пшеничной равнины. Перебравшись через еще одни алюминиевые ворота, он попал, как и обещала его схема, на более узкую бетонную тропинку, по обеим сторонам которой в зеленой мгле извивались заборы из колючей проволоки. Впоследствии Стивен пытался припомнить, о чем он думал, пока преодолевал эти триста метров, отделявшие ворота от оживленной проселочной дороги. Но это так и осталось неизвестным, отрезком мысленного белого шума. Может быть, ощущая, что его одежда отсырела, он прикидывал, как ее высушить, когда доберется до места.

Тем более остро Стивен пережил то, что случилось, когда он вышел из лесополосы и огляделся в новой обстановке. Он остановился, точно прикованный к месту. Быстрый непроизвольный вздох вырвался из его груди. Дорога поворачивала направо и убегала вдаль почти параллельно тропинке, по которой он пришел. Мимо него почти беззвучно проследовала небольшая колонна автомобилей. Стивен знал это место, знал сокровенным знанием, словно припоминая после долгой разлуки. Деревья вокруг распускались, ширились, зацветали. Но простым воспоминанием из далекого прошлого нельзя было объяснить это чувство, похожее на боль, словно он повстречался с чем-то лично ему знакомым, словно пришел в место, которое тоже его узнало и, казалось, ожидало его в тишине, поглотившей звук проехавших машин. То, что открылось Стивену, относилось к особому дню, который он мог теперь впитывать в себя. Вот тяжелый, каким он и должен быть, зеленоватый воздух сырого дня ранним летом, туманный, неподвижный дождь, тяжелые капли, собирающиеся на безупречно чистых каштановых листьях и падающие, ощущение присутствия деревьев, преувеличенное и очищенное дождем, беззвучно вытеснившим воздух. Именно в такой день, Стивен знал, это место обрело свое значение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ien-makyuen/ditya-vo-vremeni

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить